

К. А. БАРШТ *

МЫСЛИ ПАСКАЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ДОСТОЕВСКОГО

Ключевые слова: Достоевский, «Мысли» Б. Паскаля, влияние, цитата, контекст, аллюзия, парафраз, «амулет», «аршин пространства».

В статье описано влияние идей Блеза Паскаля на творчество Достоевского, отмечены известные аллюзивные связи и установлены новые, обнаружены скрытые цитаты из книги Паскаля в произведениях писателя — «Преступлении и наказании», «Братьях Карамазовых» и др.

Сокращенное название «Мысли» неоконченному труду Блеза Паскаля «Мысли о религии и о некоторых других предметах»¹ придумал Вольтер; под этим титулом произведение и было принято в лоно мировой литературы. Начиная с конца XVIII — XIX в. книга оказала мощное влияние на русскую культуру и литературный процесс, в том числе и на творчество Ф. М. Достоевского. В отечественной науке создано значительное число работ, которые условно можно разбить на три группы: биографические работы с более или менее развернутыми оценками влияния Паскаля на творчество Достоевского², исследования идеологии и этических концепций Паскаля с указанием на их связь с творчеством русского писателя³, и работы, указывающие на переклички

---

* Константин Абрекович Баршт, д-р филол. наук, профессор, вед. научн. сотр. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН — konstantin_barshht@pushdom.ru.

¹ Первое издание книги Паскаля, подготовленное друзьями и родственниками философа: [*Pascal B.*] *Pensees de monsieur Pascal la Religion et sur quelques autres sujets. Qui ont été trouvées après sa mort parmi ses papiers.* Lion, 1669. В последующие годы книга многократно переиздавалась (1670, 1672, 1677, 1783, 1788, 1700, 1701 и т. д.).

² *Бутковский И.* О жизни Паскаля и его сочинениях // Паскаль Б. Мысли. СПб., 1843; *Груббе А. В.* Биографические картинки / Пер. с нем. М., 1877; *Филиппов М. М.* Паскаль, его жизнь и научно-философская деятельность. СПб., 1891; *Тисандье Г.* Мученики науки. 3-е изд. СПб., 1891; *Орлов А. И.* Французский мудрец Влас Паскаль. Его жизнь и труды. В 2 ч. М., 1891 (2-е изд.: М., 1889; 3-е изд.: М., 1911 (репринт: М., 1991)); *Бутру Э.* Паскаль / Пер. с фр. Е. В. Лавровой. СПб., 1901; *Кокосов В.* Паскаль. [Горький, 1935]; *Мережковский Д. С.* Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль. Брюссель—Париж, 1990; *Тарасов Б. Н.* Паскаль. М., 1982.

³ *Гуляев А. Д.* Этическое учение в «Мыслях» Паскаля. Казань, 1906; *Лансон Г.* История французской литературы XVII в. / Пер. с фр. З. Венгеровой. СПб., 1899; *Дауден Э.* История французской литературы. СПб., 1902; *Луначарский А. В.* История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах. Ч. 1. М., 1924; *Латшин И. И.* Достоевский

между произведениями классиков мировой литературы, опирающиеся на идеи Паскаля⁴.

Весь XIX в. русская читающая публика, не исключая известных литераторов, вчитывалась в книгу Паскаля. Как отмечает Г. Я. Стрельцова, присутствие «Мыслей» Паскаля в домашних библиотеках русских образованных людей «было едва ли не самым обычным делом», а отношение к нему варьировалось от уважения до поклонения, доходящего до обожания⁵. К середине XIX в. интерес к его творчеству вырос до невероятных размеров, чему способствовало немалое количество изданий его произведений.

Можно заметить, что период обращения Достоевского из государственного служащего в профессионального писателя хронологически совпал с выходом в свет первого текстурально адекватного перевода «Мыслей» Паскаля на русский язык (1843, пер. И. Г. Бутовского)⁶. Среди прочих идей, которые встретили восторженный отклик в душе Достоевского, он мог прочитать в этой книге, что величие человека в сравнении с другими живыми существами, обитающими на Земле, в том, что он существо «словесное»⁷. В ПСС Достоевского это издание названо «первым русским переводом» (28₁, 403), однако и до 1843 г. было издано несколько переводов книги Паскаля, хотя они нередко грешили неточностями и ошибками⁸

и Паскаль // Научные труды Русского народного университета. Прага, 1928. Т. 1. С. 55–63; Кляуз Е. М., Погребыский И. Б., Франкфурт У. И. Паскаль. 1623–1662. М., 1971; Титаренко А. И. Нравственные структуры сознания. М., 1974; Филитов Л. И. Паскаль // История диалектики XIV–XVIII. М., 1974; Соколов В. В. Европейская философия XV–XVII веков. М., 1984; Пошаков Р. А. Отношение разума и веры в новоевропейской метафизике (Августин, Декарт, Паскаль). Архангельск, 1999; см. также: Рих А. Блез Паскаль: отчаянность веры / Пер. с нем. М., 2001.

⁴ Тарасов Б. Н. Мыслящий тростник: жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. М., 2005 (2-е изд.: 2009); Стрельцова Г. Я. 1) Блез Паскаль. М., 1979; 2) Паскаль и европейская культура. М., 1994.

⁵ Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. С. 291. Ср. с этим наблюдение Л. Шестова: «Сейчас к Паскалю привыкли. С детских лет все читают, даже заучивают наизусть отрывки из его *Pensées*» (Шестов Л. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 285).

⁶ Паскаль Б. Мысли / Пер. И. Бутовского. СПб., 1843. И. Г. Бутовский — сотрудник газеты «Русский инвалид», двоюродный брат Надежды Дуровой, знаменитой «кавалерист-девицы», принимал участие в издании ее «Записок», переводил с французского «Историю крестовых походов» Ж. Ф. Мишо. Его перевод был пусть и неполным, но первым настоящим переводом произведения Паскаля.

⁷ Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 104.

⁸ Таково, например, издание, подготовленное Н. И. Новиковым: Брийон П. Ж. Последование Характеров Феофрастовых и Мыслей Паскалевых / Переведено в подмосковной 1782 года [А. Сергеевым]. М., 1784. В своем издании 1777 и 1780 гг. Новиков опубликовал не Паскаля, но других авторов (Власов С. В. Первое знакомство с «Мнениями Паскаля» в России: перевод Псевдо-Паскаля в «Утреннем свете» Н. И. Новикова // Зарубежная литература в университетском образовании. СПб., 2012. С. 59–60). Следует обратить также внимание на издание: Мысли или положения философские. Перевод с французского. *Pensees ou Theses Philosophiques*. М., 1787, сборник избранных философских сентенций, которые приводятся параллельно на трех языках (русском, французском и латыни), некоторые из этих «тезисов» со всей очевидностью взяты из книг Паскаля.

и отличались друг от друга⁹. В тот же период, в 1844 г., впервые вышло полное французское издание «Мыслей», подготовленное Арманом-Проспером Фожером (Faugere, 1810–1888)¹⁰. Учитывая серьезность влияния, которое оказывала философия Паскаля на мировоззрение и идеологию Достоевского, можно предположить, что эти тексты могли оказать дополнительное воздействие на Достоевского в его решимости покинуть службу и стать профессиональным писателем.

О конгениальности Достоевского Паскалю сказано много. Некоторые авторы, как, например, Л. И. Шестов, считают возможным возвести ее в статус настоящего «духовного родства»¹¹; он называл Паскаля принципиальным мыслителем-парадоксалистом, отказывающимся «упростить жизнь» и «свести неизвестное к известному»¹². Согласно мнению В. В. Розанова, писателей объединяло то, они жили и творили со взором, «устремленным в вечность»¹³. В «Мыслях» Паскаля Н. А. Бердяев усматривает корни специфического «антропологизма и антропоцентризма» Достоевского¹⁴. Другие авторы отмечают сходство в художественной методологии двух писателей, например С. Н. Булгаков, указавший, что Достоевский и Паскаль относятся к такого рода писателям, которые, «идя путем веры», «описывают свою душевную борьбу»¹⁵. С этим был согласен И. И. Лапшин, указавший, что вера Паскаля и Достоевского имела то общее качество, что была «овевана чувством тревоги, связана с постоянным мучительным борением <...> она была порывиста и конвульсивна», что лучше всего иллюстрируется известным: «Верую, Господи, помоги моему неверию»¹⁶.

В литературе о Паскале и Достоевском утвердилось также мнение о тематической близости произведений двух великих писателей¹⁷, согласно мнению Б. Н. Тарасова, «оно проявляется в пристальном внимании к ключевым вопросам человеческого существования, в глубоком

---

⁹ См. об этом: *Алташина В. Д.* От «слабой былинки» к «мыслящей тростинке»: об истории переводов «Мыслей» Паскаля // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. Вып. 4. С. 105–111.

¹⁰ Первое достоверное издание «Мыслей» Паскаля было выпущено Арманом-Проспером Фожером (Faugere, 1810–1888) — французским писателем. Ему принадлежит лучшее издание Паскалевых “Pensées” (Paris, 1844); благодаря ему впервые появилась в свет эта книга под заголовком: «Мысли, фрагменты и письма Блеза Паскаля. Публикуются впервые в соответствии с оригиналом и большей частью неизданные» ([Pascal B.] Pensées, fragments et lettres de Blaise Pascal, publiés pour la première fois conformément aux manuscrits, originaux en grande partie inédits. Paris, 1844).

¹¹ *Шестов Л. И.* О «перерождении убеждений» у Достоевского // Записки. Общественно-политический и литературный журнал [Париж–Шанхай]. 1937. Т. II. С. 148.

¹² *Шестов Л. И.* Гефсиманская ночь (Философия Паскаля) // Шестов Л. И. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 301, 317.

¹³ *Розанов В. В.* Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. С. 178.

¹⁴ *Бердяев Н. А.* Миросозерцание Достоевского. Париж, 1968. С. 35, 330.

¹⁵ *Булгаков С. Н.* Свет не вечерний. Созерцания и умозрения. Сергиев Посад, 1917. С. 33.

¹⁶ *Лапшин И. И.* Достоевский и Паскаль. С. 241.

¹⁷ *Стрельцова Г. Я.* Паскаль и европейская культура. С. 11.

и остром проникновении в трагические условия этого существования, сопрягающего в себе абсолютное и относительное»¹⁸. В последователи Паскаля зачисляет Достоевского и Г. Я. Стрельцова, указывая, что Достоевский основательно «прошел школу паскалевских “Мыслей”», и его произведения, по сути, — «гениальные вариации» на темы, разработанные французским философом¹⁹. «Мыслями» Паскаля увлеклись многие другие русские писатели — А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, А. И. Герцен, В. С. Соловьев, Л. Н. Толстой, Н. А. Бердяев и др. — однако нет между ними мыслителя «более близкого по духу и родственного душой Паскалю, чем Ф. М. Достоевский»²⁰. Л. П. Гроссман объясняет это тем, что гению Достоевского «нужны были все напряжения и тревоги, все смятения, мятежи и отчаяния Паскаля, Гофмана и Бальзака, чтоб наново пережить эти вечные боли и скорби человеческой мысли и создать Раскольникова и Великого Инквизитора»²¹, согласно его мнению, речь идет не о простом «влиянии», но об идеологической и духовной «власти» над Достоевским «единственного трагика французской литературы», видимое и невидимое «присутствие» которого чувствуется и в «Братьях Карамазовых», и в «Дневнике писателя», во многих других произведениях²². Однако некоторые признаки этого «присутствия» остались незамеченными; с этим связана задача настоящей статьи.

***

Достоевский, вероятно, ознакомился с «Мыслями» Паскаля и по французским изданиям, и по русским переводам, выходявшим начиная с XVIII в. Всё говорит о том, что освоение наследия Паскаля было для писателя не однократным знакомством, но процессом, который шел на протяжении всей его жизни. С указанным выше «пор-рояльским» изданием «Мыслей»²³ читатели имели дело на протяжении целого века. В 1778 г. вышло так называемое «вольтеровское» или «философское» издание (издание Кондорсе), в котором Паскаль обрел черты представителя просветительского рационализма; в нем впервые был опубликован «Мемориал»²⁴. В начале XIX в. произошел новый всплеск интереса к «Мыслям», что ознаменовалось новыми изданиями, повторявшими либо «пор-рояльскую», либо «вольтеровскую» версии книги

¹⁸ Тарасов Б. Н. Паскаль. С. 305.

¹⁹ Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. С. 291, 292.

²⁰ Там же. С. 330.

²¹ Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарий. М.—Пг., 1923. С. 19.

²² Гроссман Л. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. Одесса, 1919. С. 97–98.

²³ См. сн. 1.

²⁴ [Pascal B.] Pensées de Pascal, avec les notes de M. de Voltaire. T. 1–2. Geneve, 1778.

Паскаля²⁵. В 1842 г. во Французской Академии состоялся доклад Кузена «О необходимости нового издания “Мыслей”»²⁶, итогом чего стали новые, текстологически выверенные издания середины XIX в.²⁷

Известно, что в личной библиотеке Достоевского была книга А. В. Грубе «Биографические картинки» (М., 1877), в которой содержалась краткая биография Паскаля²⁸, это может служить косвенным признаком того, что для писателя всё же именно французская версия книги Паскаля была основной. По какому именно французскому изданию Достоевский знакомился с творчеством Паскаля, установить затруднительно. Учитывая, что будущий писатель читал произведения французского философа в стенах Главного инженерного училища, которое располагало хорошей библиотекой на языках ряда европейских стран, можно предположить, что это, вероятно, было одно из многотомных изданий французской классики, которые выходили во множестве и в которые, как правило, входили «Мысли» и «Письма к провинциалу» Блеза Паскаля²⁹, либо одно из его собраний сочинений³⁰, а, возможно, и отдельное издание «Мыслей», которые, как указано выше, публиковались в середине XIX в. большими тиражами и довольно часто³¹. Этим объясняется, что выбор источника для цитирования Паскаля в отечественной научной

---

²⁵ *Pascal B. Pensées*. Paris, 1803; [*Pascal B.*] 1) *Pensées de Blaise Pascal*. T. 1–2. Paris, 1812; 2) *Pensées de M. Pascal sur la religion, et sur quelques autres sujets*. Avignon, 1818; 3) *Oeuvres de Blaise Pascal*. T. 1–6. Paris, 1819; 4) *Pensées de Blaise Pascal. Avec les remarques de Voltaire et de Condorcet, et précédées d’une notice biographique, par P. R. Auguis*. T. 1–2. Paris, 1823; 5) *Pensées de Blaise Pascal. Présédées d’une notice sur sa vie par M-me Perier, sa soeur*. Paris, 1836; [*Pascal B.*] 1) *Pensées. Présédées d’une notice sur sa vie par M-me Perier, sa soeur*. Paris, 1843; 2) *Pensées. Présédées d’une notice sur sa vie par M-me Perier, sa soeur*. Paris, 1845.

²⁶ *Cousin V. Des Pensées de Pascal: rapport à l’Académie française sur la nécessité d’une nouvelle édition de cet ouvrage*. Paris, 1843.

²⁷ [*Pascal B.*] 1) *Pensées, fragments et lettres de Blaise Pascal, publiés pour la première fois conformément aux manuscrits, originaux en grande partie inédits*. Paris, 1844; 2) *Pensées de Pascal: précédées de sa vie par Mme Perier, sa soeur, suivies d’un choix des Pensées de Nicole, et de son Traite de la paix avec les hommes*. Paris, 1847; 3) *Pensées de Pascal, publiées dans leur texte authentique avec un commentaire suivi et une étude littéraire par Ernest Havet*. Paris, 1852 (То же: 1866); 4) *Pensées de Pascal: d’après le texte du manuscrit autographe contenant les lettres et opuscules L’histoire des éditions des pensées, La viede Pascal par sa soeur, Des notes choisies et inédites, et un index complet, par Charles Louandre*. Paris, 1854; 5) *Pensées de B. Pascal, précédées de la vie de Pascal par M-me Pèrier, sa soeur*. Paris, 1858; [*Pascal B. Pensées*. Paris, 1861.

²⁸ Грубе А. В. Паскаль // Грубе А. В. Биографические картинки / Пер. с нем. М., 1877. С. 58–65. (См.: Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание. СПб., 2005. С. 163). Не исключено также, что Достоевский был знаком с превосходной биографией Паскаля, изданной на нем. яз.: *Dreydorff. Pascal, sein Leben und seine Kämpfe*. Leipzig, 1870.

²⁹ Напр.: *Classiques Francais (1822–1827, 103 vol.)*; *Collection des Classiques Francais (1823–1826, 31 vol.)*; *Les Classiques Miniature (1824–1928, 48 vol.)*.

³⁰ [*Pascal B.*] *Oeuvres de Blaise Pascal*. Vol. 1–5. Paris, 1779; [*Pascal B. Oeuvres de Pascal*. Vol. 1–5. Paris, 1819.

³¹ См. сн. 25.

литературе имеет достаточно свободный характер³². Всё говорит о том, что Достоевский впервые познакомился с книгой Паскаля в оригинале в 1838 г., в 1843 г. читал перевод И. Г. Бутовского, и лишь затем, по всей видимости, познакомился с новыми версиями «Мыслей», изданными в 1844 и 1851 гг.³³ Что же касается русских дореволюционных переводов «Мыслей», то кроме перевода И. Г. Бутовского все они вышли уже после смерти Достоевского³⁴. Отечественные издания конца XX в. основывались на различных версиях текста паскалевских «Мыслей»³⁵. В 1898 г. в русском переводе вышли и «Письма к провинциалу»³⁶.

Не исключено, что еще в юности Достоевский обратил внимание на высокое мнение о Паскале, которое многократно выражал на страницах «Отечественных записок» В. Г. Белинский, статьи которого писатель изучал в юности, в 1830-х — начале 1840-х гг. В этот период Белинский не только многократно упоминал имя Паскаля в своих статьях³⁷, но и цитировал отдельные его афоризмы, показывая тем самым, что идеи Паскаля постоянно находились на переднем плане его размышлений о русской литературе³⁸. В своей работе о переводных кни-

---

³² Например, Н. Натава цитирует произведения Паскаля по изданию: *Pascal B. Les Pensées*. Paris, 1982, в Полном собрании сочинений Достоевского цитаты даются по изданиям: *Паскаль Б. Мысли (о религии)*. М., 1905; *Ларошфуко Ф. де. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. де. Характеры*. М., 1974; *Pascal B. Pensées sur la religion et sur quelques autres sujets*. 2 vol. Paris, 1854.

³³ На знакомство Достоевского с этим изданием указывает комментатор романа «Идиот» в Полном собрании сочинений Н. Н. Соломина. Указывая на источник цитаты из французского издания «Мыслей» Паскаля — «Я намекнул ему, уходя, что, несмотря на всю между нами разницу и на все противоположности, — *les extremités se touchent* (я растолковал ему это по-русски)» (8, 338) — исследователь называет источник цитаты: *Pascal B. Pensées sur la religion et sur quelques autres sujets*. Vol. II. Paris, 1854. P. 122 (9, 451).

³⁴ *Паскаль Б.* 1) Мысли о религии / Пер. с фр. С. Долгова. М., 1892; 2-е изд.: М., 1902; 2) Мысли / Пер. с фр. П. Д. Перлова. С предисловием Прево-Парандоля «Паскаль как моралист». СПб., 1888 (отдельный оттиск из ж. Пантеон литературы. 1888. № 10–12; 1889. № 1–3; изд. 2-е: М., 1899; изд. 3-е: М., 1905); 3) Мысли о религии / Пер. С. Долгова. М., 1892 (изд. 2-е: М., 1902); 4) Избранные мысли Паскаля / Пер. с фр. М. Э. Гюнсбурга. С кратким биографическим очерком автора. СПб., 1904.

³⁵ В пер. О. Хомы: *Паскаль Б.* 1) Мысли. М., 1994; 2) Трактаты. Полемические сочинения. Письма. Киев, 1997. В переводе Ю. Гинзбург: *Паскаль Б. Мысли*. М., 1995 (1999; 2001; 2003; 2009). В переводе Э. Фельдман-Линецкой: *Паскаль Б.* 1) Мысли // Ларошфуко Ф. де. Максимы; Паскаль Б. Мысли; Лабрюйер Ж. де. Характеры. М., 1974 (изд. 2-е: М., 1990); 2) Мысли. СПб., 1999 (2004; 2005).

³⁶ *Паскаль Б.* Письма к провинциалу, или Письма Людовика Монтальта к другу в провинцию и к отцам иезуитам о морали и политике иезуитов / Пер. с примеч. и введением под ред. А. И. Попова. СПб., 1898.

³⁷ Напр.: *Белинский В. Г.* Ответ «Москвитянину» // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1956. С. 224.

³⁸ «Все повторяют: “Привычка — вторая Природа”; но мне больше нравится мудрое замечание Паскаля, который сказал: “Природа есть первая привычка”» (*Белинский В. Г.* Краткое руководство к познанию племен человеческого рода, с присовокуплением главных признаков, отличающих его от других животных. Составленное из сочинений

гах, вышедших в 1843 г., Белинский особое внимание уделил переводу И. Г. Бутовского³⁹. В этой статье он не только похвалил само произведение и качество перевода, но и назвал Паскаля автором, который занял «важное место в летописях наук и литературы Европы», являясь одним из «замечательнейших людей XVII века»⁴⁰. В рецензии на книгу Белинский указал на важнейшую черту мышления философа — диалогический стиль, который вот уже полтора века мы привыкли связывать с именем Достоевского: это был «мыслитель, действовавший полемически»⁴¹. Не высказывая более никаких критических замечаний о книге Паскаля, Белинский остальную часть своей статьи обратил в сборник цитат из рецензируемой книги, в частности он воспроизвел афоризм: «Смеяться над философиею — значит философствовать»⁴². Заметим, что эту же мысль воспроизводит Достоевский в своем письме к брату Михаилу Михайловичу от 9 августа 1838 г.: «Раз Паскаль сказал фразу: кто протестует против философии, тот сам философ. Жалкая философия!» (28, 50)⁴³. Предполагать, что Достоевский цитировал эту мысль Паскаля в своем письме, взяв ее из статьи Белинского, было бы ошибкой — письмо Достоевского было написано четырьмя годами ранее, однако такое совпадение нельзя назвать случайным: оно указывает на близость восприятия идеологии Паскаля двумя писателями. Достоевский многократно выдвигал требование, чтобы человек больше сосредоточивался не на внешнем, а на внутреннем своем состоянии; ту же мысль вычитал из Паскаля и Белинский: «Паскаль говорит, что люди для того играют в карты, чтоб не оставаться никогда долго наедине с собою, чтоб не дать развиться угрызням совести»⁴⁴. Обратим внимание, что оба, и Достоевский, и Белинский, воспринимали Паскаля как философствующего литератора; в заключительной части своей статьи Белинский настаивает на необходимости перевода «чисто литературных произведений Паскаля»⁴⁵, имея в виду, видимо, «Письма к провинциалу». В качестве основания для этого Белинский привел аргумент, что к его произведениям навсегда сохранится «живой интерес»⁴⁶. В отличие от В. Г. Белинского Достоевский, в рамках известного

об этом предмете доктора Сосеротта и профессора Брока П. А. Л-ким. С литографированными картинками. Москва. 1838. В университетской типографии // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1953. С. 198).

³⁹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1955. С. 93.

⁴⁰ Там же. С. 595.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 597. (Мысли. 1843. С. 254).

⁴³ «Пренебрежение философованием и есть истинная философия» (*Ларошфуко Ф. де. Максими. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ф. де. Характеры.* С. 113; см.: 28, 403).

⁴⁴ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 9. М., 1955. С. 578. Заметим, что, посещая кружок Белинского, Достоевский не раз выражал свое отвращение к карточной игре, которой частенько бывали заняты его коллеги по литературе.

⁴⁵ [Белинский В. Г.] Мысли Паскаля. С. 597.

⁴⁶ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 9. М., 1955. С. 444.

криптографического принципа, не расточал похвалы писателю, которому стольким был обязан. Но кое-где реплики его героев указывают на глубинную подоплюку его отношения к французскому мыслителю.

В изучении связей между «Мыслями» Паскаля и творчеством Достоевского достигнуты немалые успехи.

В работах Л. И. Шестова помимо ряда аналитических спекуляций о чертах, роднящих идеологии Паскаля и Достоевского, содержатся указания на реминисценции из произведений французского философа. Согласно его мнению, прямым развитием мысли Паскаля является описание картины, которую увидел Ипполит у Рогожина в романе «Идиот»⁴⁷. Следы философских сентенций Паскаля содержатся в «Записках из подполья»⁴⁸, «Сон смешного человека» является художественным развитием паскалевской мысли о максимальном удалении человека от возможности постичь тайну «передачи греха»⁴⁹. В «Мыслях» Паскаля Шестов видит аллюзивный источник мучительных сомнений в поиске Бога и смысла своей жизни, которые преодолевают Шатова в романе «Бесы»⁵⁰.

Л. П. Гроссман подчеркивает, что особенно сильное влияние оказала на Достоевского мысль Паскаля о «сияющей личности Христа», к которой и сводится, по его мнению, всё учение Паскаля. В известном призыве Достоевского из его «Пушкинской речи»: «Смирись, гордый человек, и, прежде всего, сломи свою гордость. Смирись, праздный человек» (26, 139), исследователь обнаруживает реминисценцию

---

⁴⁷ «Jesus sera en agonie jusqu' a la fin du monde: il ne faut pas dormir pendant ce temps la» (*Шестов Л. И.* О «перерождении убеждений» у Достоевского. С. 146–147).

⁴⁸ «je ne puis pardonner a Descarter; il aurait bien voulu dans toute sa philosophie se passer de Dieu, mais il n'a pas su s'empêcher de lui faire donner une chiquenaude pour mettre le monde en mouvement; apres cela, il n'a peur que faire de Dieu» — отчаянная борьба Паскаля с разумом, напоминающая фразы из вступительных глав к «Запискам из подполья»: «escrire contre ceux qui approfondissent trop les sciences, Descartes», согласно мысли Шестова, Достоевский мог бы взять девизом для своих сочинений слова Паскаля «je n'approuve que ceux qui cherchent en gemissant» (*Шестов Л. И.* О «перерождении убеждений» у Достоевского. С. 147).

⁴⁹ «...le mystere le plus eloigne de notre connaissance, qui est celui de la transmission du peche est une chose sans laquelle nous ne pouvons avoir une connaissance de nous memes... Le noeud de notre condition prend ses replis dans cet abime, de sorte que l'homme est plus inconcevable sans ce mystere que ce mystere n'est inconceivable» (*Шестов Л. И.* О «перерождении убеждений» у Достоевского. С. 147).

⁵⁰ «Не смейте меня спрашивать такими словами, спрашивайте другими, другими! — весь вдруг задрожал Шатов. — Извольте другими, — сурово посмотрел на него Ставрогин, — я хотел только узнать, веруете ли вы сами в Бога или нет? — Я верую в Россию, я верую в ее православие, я верую, что новое пришествие случится в России... Я верую... — залепетал в иступлении Шатов. — А в Бога, в Бога? — Я... я буду веровать в Бога» (10, 149–150). Духовный кризис, который всю жизнь переживал Достоевский и заставлял переживать своих героев, был, по мнению Шестова, тем же самым, по сути, состоянием, которое переживал Паскаль во время своего «обращения»: «...это перерождение было в сущности тем, что Паскаль называл своим обращением» (*Шестов Л. И.* О «перерождении убеждений» у Достоевского. С. 149).

из текста Паскаля: «Humiliez-vous, raison impuissante! Taisez-vous, nature imbecile!»⁵¹.

И. И. Лапшин в своей небольшой, но содержательной работе обнаруживает ряд смысловых схождений между произведениями Паскаля и Достоевского, вместе с тем отмечая «глубокую противоположность» в философских взглядах двух мыслителей, которая выражается в том, что «Паскаль обладал *темным* темпераментом в своем отношении к миру, а Достоевский — *светлым*»⁵², что особенно ярко выступает в их интерпретации легенды об Иове — с утешительным смыслом у Достоевского и с противоположным у Паскаля⁵³. Среди смысловых схождений Достоевского и Паскаля Лапшин отмечает следующее: «*Мотив моральной двойственности* человеческого существа у Паскаля и Достоевского»⁵⁴, рассуждения Дмитрия Карамазова («Братья Карамазовы») о моральном дуализме человека имеют сходство с паскалевским тезисом о «созерцании двух бездн» — «добра и зла, веры и неверия, всеполноты бытия и небытия»⁵⁵. Кроме того, Лапшин обнаруживает прямое влияние философии Паскаля на сюжет романа «Братья Карамазовы»; согласно его мнению, деление видов сладострастия (*libidinus*) в соответствии с тремя видами душевной деятельности — «чувственной, интеллектуальной и волевой» (мысль, которая содержится в Первом послании Иоанна, в «Augustinus» Янсения и в «Мыслях» Паскаля)⁵⁶, оказало влияние на архитеконику «Братьев Карамазовых»: «Федор Павлович является как бы животным корнем всякой *libidinous*, Иван Карамазов является воплощением вольномыслия, т. е. *libidinus sciendi* <...> а Дмитрий ярким олицетворением *libidinis sentiendi*. Три искушения Христа соответствуют той же схеме»⁵⁷. Заметим, что подобного рода идеология лежит в основании «Двойника» Достоевского.

Попутно Лапшин замечает, что отказ Зосимы от дуэли напоминает картину Берн-Джонса «Милосердный рыцарь», изображающую сцену

---

⁵¹ «Смирись, бессильный разум! Замолчи, глупая природа!» (*фр.*). Гроссман Л. П. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. Одесса, 1919. С. 97–98.

⁵² Лапшин И. И. Достоевский и Паскаль. С. 235.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 237. К этому замечанию следует прибавить, что идея о двуединой природе человека, проявляющейся в двойственности мыслей и поступков, роднит героев-философов Достоевского с концепцией человека, развиваемой в «Мыслях» Паскаля. Помимо повести «Двойник», посвященной описанию этого феномена на уровне экзистенциального состояния человека, «двойственность» как характеристика Глафиры Петровны встречается в рассказе «Чужая жена и муж под кроватью» (2, 62), формулировка «двойная мысль» содержится в рукописи к «Идиоту», связываясь по смыслу с «нравственным пьянством», дилеммой «Умирать или не умирать?» (вопрос Ипполита), а также «Апокалипсисом и звездой Польной» (9, 277), и, далее, обнаруживается практически в каждом произведении Достоевского.

⁵⁵ Лапшин И. И. Достоевский и Паскаль. С. 237.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 237–238.

несостоявшегося поединка, на месте которого изображены два рыцаря: уезжающего с места дуэли и склонившегося перед изваянием Христа⁵⁸. «Пари» Паскаля относительно существования Бога получило аллюзивное отражение в «Бесах», в частности в рассуждениях Ставрогина, построенных, по мнению Лапшина, «по типу рассуждений Паскаля, в которых аргументируется, что шансы доказательства бытия Бога равны возможности доказать обратное». Говоря о том, что шансы в обоих вариантах «совершенно равны», но ошибка в одном из двух случаев не будет иметь плохих последствий, Ставрогин конструирует две картины мира, атеистически-позитивистскую, и теистическую, христианскую, основанную на вере⁵⁹. Действуя в рамках идеи «пари» Паскаля, Ставрогин отмечает бóльшую моральную надежность веры в Бога сравнительно с моделью атеистического гуманизма (11, 179).

Несколько цитат из «Мыслей» Паскаля отмечены в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского: «Я намекнул ему, уходя, что, не смотря на всю между нами разницу и на все противоположности, — *les extrémités se touchent* (я растолковал ему это по-русски, так что, может быть, он и сам вовсе не так далек от моего “последнего убеждения”, как кажется)» (8, 338)⁶⁰. В романе «Бесы» отмечено цитирование французского издания «Писем к провинциалу»: в разговоре с Варварой Петровной Степан Трофимович, настаивая на обладании «всечеловеческими» качествами, дважды повторяет формулу отрицания ханжества: «*Et puis, comme on trouve toujours plus de moines que de raison*», указывая на источник: «Это Паскаль» (10, 50–51)⁶¹. В черновых записях к «Бесам» отмечен набросок этой сцены (11, 238); еще одно упоминание имени Паскаля — в той же рукописи под заголовком «Вообще словечки», в сопровождении записи: «Недосиженные и пересиженные» (11, 286). Повидимому, Достоевского заинтересовала глава XXV «Мыслей», в которой философ останавливается на сходстве двух крайних степеней невежества, первая из которых объясняется отсутствием образования, а вторая — самодовольной уверенностью в полном владении истиной: «Науки имеют две соприкосновенные крайности: первая есть то чистое естественное неведение, в котором находятся все люди при рождении. В другую крайность впадают души великие, которые, пройдя всё, что могут познать люди, видят, что они ничего не знают, и нахо-

⁵⁸ Лапшин И. И. Достоевский и Паскаль. С. 238–239.

⁵⁹ Там же. С. 239.

⁶⁰ Словосочетание «*les extrémités se touchent*» Достоевский взял из издания: *Pascal B. Pensées sur la religion et sur quelques autres sujets*. Vol. II. Paris, 1854. P. 122 (9, 451). Заметим также, что словосочетанием «последнее убеждение» Достоевский обозначает «*idée fixe*».

⁶¹ Согласно утверждению комментатора «Бесов» в ПСС Достоевского (12, 290), слова о том, что ханжество и изуверство можно встретить чаще, чем здравый смысл («*on trouve toujours plus de moines que de raison*» Достоевский взял из «Писем к провинциалу» Блеза Паскаля: «*parce qu'il leur est bien plus aise de trouver des moines que des raisons*») ([*Pascal B.*] *Lettres écrites a un provincial par Blaise Pascal*. Paris, 1869. P. 34).

дятся в том же неведении, с которого начали. Но это неведение ученое, которое сознает себя. Вышедшие из неведения естественного, и не достигнувшие другого, принимают некоторый оттенок самодовольного знания и выказывают себя знатоками. Они-то смущают мир и судят обо всем превратнее других»⁶². В «Братьях Карамазовых», во время беседы между Дмитрием, Миусовым и отцом Паисием, формулируется идея о том, что отсутствие веры в Бога неизбежно порождает этический релятивизм: «Злодейство не только должно быть дозволено, но даже признано самым необходимым и самым умным выходом из положения всякого безбожника» (14, 65). Согласно мнению комментатора романа, это реминисценция из Паскаля (15, 536). Аллюзия на тексты Паскаля обнаруживается и в известной сентенции Ивана Карамазова о том, что человеческая жизнь — слишком большая ценность, чтобы ею можно было «унавозить» какую-либо будущую социальную «гармонию», и особенно — жизнь детей: «...если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети, скажи мне, пожалуйста?» (14, 222)⁶³. «Поэма о Великом Инквизиторе» обнаруживает мощный аллюзивный план, отсылающий к творениям Блеза Паскаля, в рассуждениях о роли чуда в жизни человечества: «...чуть лишь человек отвергнет чудо, то тотчас отвергнет и Бога, ибо человек ищет не столько Бога, сколько чудес» (14, 233)⁶⁴, в описании устоев авторитарного общества, основанного не на свободе, а на «чуде, тайне и авторитете», обращающего людей в «стадо» существ, с которых снят «страшный дар» свободы, «принесший им столько муки» (14, 234; 15, 561).

Б. Н. Тарасов указывает, что невидимое присутствие Паскаля чувствуется в «Дневнике писателя» Достоевского и в поучениях старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы»⁶⁵, а также отмечает, что основным направлением влияния Паскаля на русское общественное сознание, включая сюда сферу литературной жизни, была борьба со слепым подчинением «авторитету», когда оставалось немного «места для самостоятельных суждений», а «центром становилась не совесть

---

⁶² Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 145–146.

⁶³ Мысль Ивана Карамазова о слезинке безвинно замученного ребенка, перевешивающей все будущие мировые гармонии, также находит себе соответствие в «Мыслях» Паскаля: «...разве не противно правилам нашей жалкой справедливости — осудить навеки дитя, лишенное еще воли, за грех, в котором оно принимало столь мало участия, что родилось на свет спустя шесть тысяч лет с тех пор, как грех был совершен? Несомненно, ничто нас так жестоко не задевает, как это учение» (Паскаль Б. Мысли (о религии). М., 1905. С. 115–116; см.: 15, 555).

⁶⁴ «Чудеса важнее, чем вы думаете: они послужили основанию и послужат продолжению Церкви, вплоть до Антихриста, до конца мира <...> Я не был бы христианином, не будь чудес» (Паскаль Б. Мысли (о религии). С. 213, 272; см.: 15, 561).

⁶⁵ К этому можно добавить, что, возможно, и сам сюжет романа, основное событие которого — выход Алеши Карамазова из монастыря в мир — мог быть подсказан судьбой Блеза Паскаля, который был монахом, не принявшим монашества и оставшимся в миру; умер он в 39 лет, по словам Ж. Расина, «от старости».

человека, а авторитет “важного лица”, “мудрого духовника”». Это, в конечном итоге, «губило свободную совесть, воспитывало безответственность» — проблема, которую Достоевский, не без влияния Паскаля, поднимал в романе «Братья Карамазовы»⁶⁶.

В книге Г. Я. Стрельцовой «Паскаль и европейская культура» (М., 1994) очерчен круг идеологических доминант, общих для двух писателей⁶⁷, устанавливается связь между утверждением Достоевского, что его «осанна сквозь горнило испытаний прошла», и идеологией паскалевских «Мыслей»⁶⁸. Помимо смысловых аналогий Г. Я. Стрельцова отмечает ряд реминисценций из Паскаля в произведениях Достоевского. В романе «Идиот» призывы князя Мышкина дать отпор иезуитам с помощью Иисуса Христа, очищенного от ложных трактовок, со всей очевидностью указывают на «Письма к провинциалу»⁶⁹. Аргументация Мышкина, в которой он доказывает, что «католичество римское даже хуже самого атеизма», а «римский католицизм даже и не вера, а решительно продолжение Западной Римской империи», где царствует «ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство» (8, 450–451), по мнению Г. Я. Стрельцовой, есть заострение аргументации, которую приводел Паскаль в своем споре с иезуитами⁷⁰. Здесь стоит добавить, что влияние идей Паскаля здесь, по-видимому, опосредовано славянофилами (например А. С. Хомяковым), которые отрицали католицизм также не без влияния аргументации Паскаля. Следы идеологии Паскаля обнаруживаются в «Поэме о Великом Инквизиторе»⁷¹ и «бунте» Ивана Карамазова («Братья Карамазовы»)⁷². Влияние Паскаля на замысел и идеологию рассказа «Сон смешного человека» проявляется в том, что Достоевский, как и Паскаль, убежден в том, что человек изначально добр и, как бы ни было реально и убедительно зло, — оно вторично. Повествователь и главный герой рассказа говорит: «Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей» (25, 118)⁷³. Г. Я. Стрельцова замечает паскалевский след во всех многочисленных попытках Достоевского осмыслить состояние человека, верующего в вечную жизнь и идущего на казнь; встречающийся у Паскаля трагический образ жизни как «шестивия на казнь» находит себе соответствие в статье «Приговор» из «Дневника писателя» за 1876 г. (23, 146–148)⁷⁴.

К этому можно добавить еще несколько пунктов.

---

⁶⁶ Тарасов Б. Н. Паскаль. С. 254.

⁶⁷ Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. С. 205.

⁶⁸ Там же. С. 330.

⁶⁹ Там же. С. 331.

⁷⁰ Там же. С. 331–332.

⁷¹ Там же. С. 344–347.

⁷² Там же. С. 332.

⁷³ Там же. С. 340.

⁷⁴ Там же. С. 350.

1. «Мемориал» и боговдохновение Алеши Карамазова

В 1654 г. Паскаль пережил глубокое молитвенное потрясение, своего рода религиозное откровение, которое именуется в литературе о писателе его «Боговдохновением» или «Мемориалом» (“Le memorial”)⁷⁵. По следам этого события он сделал краткую запись на куске пергамента, который хранил как драгоценность, зашив в подкладку камзола. Впервые текст «Мемориала» в 1778 г. опубликовал Николя де Кондорсе⁷⁶ под названием «Амулет Паскаля»⁷⁷, сочтя его чем-то вроде заклинания против злых сил. Идея о психическом расстройстве Паскаля была довольно популярна на рубеже XVIII и XIX вв., увенчавшись трудом парижского медика Луи Лелю⁷⁸ о «галлюцинациях» Паскаля и «отношении его здоровья к его гению»⁷⁹. «Мемориал» издавался на языке оригинала многократно, как и вышеупомянутым отдельным изданием, так и в составе книг с его произведениями⁸⁰, и был широко известен в кругах читателей и почитателей философа. Согласно мнению Б. Н. Тарасова, Паскаль действительно пережил в это время нечто вроде глубокого религиозного потрясения, которое квалифицируется как «молитва», «ночной экстаз», «вдохновенное свыше пророчество»⁸¹. Нет причин сомневаться, что Достоевский знал этот текст, как считают современные исследователи творчества Паскаля, например Б. Н. Тарасов; в том, что Достоевский был знаком с «Мемориалом», был убежден Л. И. Шестов⁸². Значение этого события для творческого пути Достоевского переоценить нельзя, оно стало частью его религиозного опыта, своего рода морально-психологическим маяком, помогавшим ориентироваться в тяжких и часто трагических исканиях ответа на «проклятый вопрос»; впоследствии оно отозвалось реминисценциями в его произведениях.

Тональность и содержание «откровения» Паскаля заставляют вспомнить о подобном же религиозном озарении Алеши Карамазова: «Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю. Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему

---

⁷⁵ См.: Тарасов Б. Н. Паскаль. С. 207–208.

⁷⁶ Мари Жан Антуан Николя де Карита, маркиз де Кондорсе (*фр.* Marie Jean Antoine Nicolas de Caritat, marquis de Condorcet; 1743–1794) — французский математик и философ, академик, политический деятель.

⁷⁷ *Amulette trouvée dans l’habit de Pascal // Pensees de Pascal, avec les notes de M. de Voltaire. Vol. 1. Geneve, 1778. P. xxij–xxxiv.*

⁷⁸ Луи Фердинан Лелю (*фр.* Lelut Louis Francois, 1804–1877) — французский врач, последователь Чезаре Ломброзо.

⁷⁹ [*Lelut L. F.*] 1) *De l’Amulette de Pascal, etude sur le rapport de la sante de ce grand homme a son genie, par le docteur Lelut. Paris, [1846];* 2) *L’amulette de Pascal pour servir a l’histoire des hallucinations par F. Lelut. Paris, 1846.*

⁸⁰ [*Pascal B.*] *Pensees de Blaise Pascal. Avec les remarques de Voltaire et de Condorcet, et precedees d’une notice biographique, par P. R. Auguis. 2 vol. Paris, 1823.*

⁸¹ См.: Тарасов Б. Н. Паскаль. С. 207–210.

⁸² Шестов Л. И. О «перерождении убеждений» у Достоевского. С. 147.

так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и испступленно клялся любить ее, любить во веки веков <...> Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, “соприкасаясь мирам иным” <...> с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. “Кто-то посетил мою душу в тот час”, — говорил он потом с твердою верой в слова свои...» (14, 328).

2. Противоположные полюса: холоден и горяч

В центре онтологии Паскаля находится представление о единственной несомненной истине, которую только и может извлечь человек из окружающего мира — о напряженном отношении между противоположностями; отсюда его утверждение, что верить и отрицать свойственно человеку в той же степени, как лошади бегать⁸³. Согласно мысли французского философа, «человек, чтобы оставаться человеком, должен стремиться к обеим крайностям, а не к одной из них, ибо, когда он касается одной, то неминуемо впадает в противоположную»⁸⁴. Паскаль объясняет этот парадокс следующим образом: «Наше бессилие проникнуть в суть вещей довершается их однородностью, меж тем как в нас самих сочетаются субстанции неоднородные, противоположные — душа и тело»⁸⁵. В каждом явлении, считал Паскаль, важны две его крайности, причем каждая из них может быть правильной одновременно с противоположной⁸⁶. В связи с этим философ равно не одобрял писателей, восхваляющих человека, и тех, которые его унижают, но желал «похвалить лишь тех, которые с воздыханием ищут истины»⁸⁷.

В письме Н. Д. Фонвизиной, написанном в январе–феврале 1854 г., подобным образом формулировал свою модель мышления Достоевский: «...я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила

---

⁸³ «Отрицать, верить и сомневаться так же свойственно человеку, как лошади — бегать» (*Паскаль Б. Мысли. М., 1899. С. 264*).

⁸⁴ *Бахмутский В. Французские моралисты // Ларошфуко Ф. де. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ф. де. Характеры. С. 20.*

⁸⁵ *Ларошфуко Ф. де. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ф. де. Характеры. С. 125.*

⁸⁶ См.: Там же. С. 176.

⁸⁷ *Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 106.*

и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных» (28₁, 176). На этих философских «качелях» двигалась творческая мысль писателя и героев его произведений. Чем шире была амплитуда раскачивания, тем глубже проникала мысль в поиске ответа; поэтому крайние точки вступающих в противоречие аргументов у настоящего мыслителя должны находиться в максимально возможном удалении друг от друга. Такого рода характер имеют многие из героев-философов Достоевского, например М-цкий из «Записок из Мертвого дома» — обладая «сильной» и «в высшей степени благородной» натурой, он страдает от глубоких противоречий: «...скептицизма и глубокого, ничем непоколебимого верования в некоторые свои особые убеждения и надежды» (4, 209). Такого рода состояния свойственны Раскольникову, Мышкину, Шатову, Аркадию Долгорукову, Ивану Карамазову и др., их состояние можно описать фразой из рукописи к «Идиоту»: «Христианин и в то же время не верит. Двойственность глубокой натуры» (9, 185). Эта «двойственность», являющаяся у Достоевского обозначением качества философствования самого высокого уровня, временами трактуется как некий недостаток. Так, в комментарии к роману «Бесы» в Полном собрании сочинений «двойственность» осмыслена в одном ряду с «загадочностью, неизбежно влекущей за собой недосказанность» (12, 204), или трактуется как «противоречивость идей Достоевского» или в связи с «двойственностью его творчества» (15, 502; 17, 354).

Раскачивание между логическими доводами, основанными на опыте, и требованиями веры, по Достоевскому, не есть атеизм или ересь, так как общее направление движения идет по пути любви и самопожертвования, и это гарантирует правильность общего вектора — к Иисусу Христу. Это подтверждает и Паскаль: «Знаю, что Ему угодно, чтобы истины эти истекали из сердца в разум, а не из разума в сердце»⁸⁸. Как и для героев Достоевского, загадка бытия была для Паскаля вопросом о жизни и смерти. Сходство между Достоевским и Паскалем в колебаниях между верой и неверием было тонко отмечено Г.И. Чулковым: «Достоевский, как Паскаль, приобрел право на веру в Бога и Христа ценою необычайного опыта сомнений и отрицаний, перед которыми бледнеет поверхностный скептицизм всех философствующих атеистов»⁸⁹. О такого рода колебаниях И.И. Лапшин пишет: «Он сомневается в реальности внешнего мира и других людей, сомневается в Боге и в то же время горячо стремится к вере», при этом ставит перед собой задачу соответствия такой нравственности высоте, которую не силах выдержать, что причиняет ему дополнительные страдания⁹⁰.

⁸⁸ Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 62.

⁸⁹ Чулков Г. Достоевский и судьба России // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 15. СПб., 2000. С. 399.

⁹⁰ Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. М., 1999. С. 62.

Один из примеров таких антиномий, мучивших Достоевского и героев его произведений, содержится в романе «Бесы»: «Бог необходим, а потому должен быть. — Ну, и прекрасно. — Но я знаю, что Его нет, и не может быть. — Это вернее. — Неужели ты не понимаешь, что человеку с такими двумя мыслями нельзя оставаться в живых?» (10, 469). Надин Натова отмечает, что «сходные мысли обсуждались уже в конце 1660-х гг. выдающимся ученым и мыслителем Блезом Паскалем <...> Непостижимо, что Бог есть, и непостижимо, что Его нет; непостижимо, что в теле есть душа, или ее нет совсем; непостижимо, что мир был создан, или он не был создан и так далее»⁹¹. К этому верному наблюдению необходимо прибавить, что логика этого разговора находится в русле известного «пари» Паскаля о существовании Бога. Как и герои Достоевского, Паскаль всю жизнь колебался между двумя равновесными тезисами, доказывающими и опровергающими бытие Бога, в результате им было выработано «практическое» решение этого вопроса: если мы верим в Бога, но Его нет, мы ничего не теряем, но если мы не верим в Бога и ведем себя в русле идеи «всё позволено» (а Бог при этом есть), то теряем очень много — возможность спасения. Эта идея потом получила отклик в 4-й антиномии Канта.

3. Человек есть тайна

В соответствии с главной мыслью Паскаля, правильное мышление есть то, чем может и чем обязан заниматься человек, ответственно относящийся к своей жизни: «...человек, несомненно, сотворен для того, чтобы думать: в этом и главное его достоинство, и главное дело жизни, а главный долг в том, чтобы думать благообразно. И начать ему следует с размышлений о себе самом»⁹². Рассуждая о ложности тех ценностей, которые навязывает человеку общество, заставляя его проживать не свою, а чужую жизнь, Паскаль писал: «Душа заключена в теле на короткое время. Она знает, что это один переход в вечность, и что ей дан небольшой срок жизни, для приготовления в путь. Необходимые естественные потребности похищают у ней большую часть времени. В ее распоряжении остается самая малость; но и этот малый остаток столько тревожит ее, в такое странное приводит замешательство, что ей хочется поскорее сбрызнуть его. Она тяготится этим остатком, в котором принуждена жить с собою и думать о себе. Оттого внешне старается забыть себя, и ни о чем не размышляя, проводить толь краткое и толь драгоценное время в занятиях, препятствующих ей думать о себе»⁹³.

⁹¹ Натова Н. Метафизический символизм Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 14. СПб., 1997. С. 42.

⁹² Ларошфуко Ф. де. Максимумы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. де. Характеры. С. 144.

⁹³ Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 154.

Достоевскому была близка мысль Паскаля, что ценность жизни человека определяется не успехами в социуме или приобретением материальных благ, но внутренним совершенствованием, как сформулировал И. Г. Бутовский, «изошрением ума»⁹⁴, в этом заключается его долг перед мирозданием и роль в истории: «... не только каждый из нас со дня на день подается вперед в науках, но и весь род человеческий непрерывно более и более совершенствуется <...> весь ряд людей от начала мира до нашего времени должно рассматривать как одного и того же человека, непрерывно существующего и беспрерывно просвещающегося»⁹⁵. Из этого он делал вывод о прямой связи между интеллектом человека и сферой морали: «Постараемся же мыслить хорошо: вот основание нравственности»⁹⁶. Предполагая, что человек «наделен природною способностью к добру»⁹⁷, Паскаль формулирует кардинальную линию выражения человеческого в человеке — поиск им истины, правды о себе самом: «... я хотел бы поселить в человеке желание отыскать истину, возбудить в нем готовность высвободиться от страстей, и следовать за нею туда, где она ему представится; и зная, как сильно омрачают страсти разум, я хотел бы заставить его возненавидеть низкие чувства, управляющие его волею, для того чтобы он не ослеплялся ими при выборе, и был решителен, когда выбор уже сделан»⁹⁸. В разных разделах своей книги он многократно подчеркивает эту мысль: «... сущность человека состоит в способности мыслить: без этого нельзя составить идеи о человеке»⁹⁹; «Пусть теперь обратится человек к самому себе, и рассмотрит собственное свое бытие; пусть представит себя как бы заблудившимся в краю, отделенном от вселенной; и глядя на небольшой уголок, в котором он помещен, то есть, на этот видимый мир, пусть научится познавать настоящую цену земли, царств, городов и самого себя»¹⁰⁰. Именно этим качеством, точностью мышления, должен возвышаться человек, но не пространством, которое он занимает в природе или продолжительностью существования¹⁰¹, искать, что значит быть человеком, это и есть путь к становлению человеком вне зависимости от конечного результата; правы только те, кто ищет истину, страдая и жертвуя собой.

В письме Достоевского к брату Михаилу от 16 августа 1839 г., возможно, содержится реминисценция этой мысли Паскаля. Повторяя логику французского философа, Достоевский пишет о том, что его «вера

---

⁹⁴ Там же. С. 12.

⁹⁵ Там же. С. 12–13.

⁹⁶ Там же. С. 104.

⁹⁷ Там же. С. 105.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. С. 100.

¹⁰⁰ Там же. С. 94.

¹⁰¹ *Ларошфуко Ф. де. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. де. Характеры.* С. 169.

в жизнь получает источник более чистый и возвышенный» и его «душа <...> недоступна прежним бурным порывам»: «Всё в ней тихо, как в сердце человека, затаившего глубокую тайну; учиться, “что значит человек и жизнь”, — в этом довольно успеваю я; учить характеры могу из писателей, с которыми лучшая часть жизни моей протекает свободно и радостно; более ничего не скажу о себе. Я в себе уверен. Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (28, 63). Заключенные в кавычки слова («что значит человек и жизнь») показывают, что Достоевский сознательно цитировал источник, известный и его брату Михаилу; с большой долей вероятности, это «Мысли» Паскаля.

4. Всё позволено

Известная антиномия Достоевского, сформулированная в «Братьях Карамазовых», по словам Петра Александровича Миусова, Иваном Карамазовым, что в случае, если Бога и бессмертия нет, то «всё будет позволено, даже антропофагия» (14, 65) находит себе соответствие в следующей мысли Паскаля: «...что такое здоровье, болезнь, смерть, жизнь, добро, зло, справедливость, грех, о которых мы говорим ежеминутно; имеем ли мы в себе начала истинного, и те, которым верим и которые зовут аксиомами <...> Если мы знаем их только веря, что всеблагое Существо вложило в нас эти познания истинные, создав для нас познания истинные, без этого света веры, кто поручится нам, что эти познания, составившиеся случайно, не сомнительны; или, если они составлены существом коварным и злым, кто поручится, что оно не дало нам познания ложные, для нашего обольщения? — Таким образом, он показывает, что *Бог и истина неразлучны*; и что если один существует, то существует и другая; если один сомнителен, то сомнительна и другая»¹⁰². В «Письмах к провинциалу» Паскаль снова говорит о возможности совершения злодеяния в рамках внешне добродетельного служения, становиться «посредниками зла» и «исполнять некоторые прискорбные поручения» таким «образом возможно слугам с чистой совестью», «но я хочу теперь показать вам этот великий метод во всем его блеске, применив его к убийству, которое он оправдывает в тысяче случаев, чтобы вы могли судить по этому примеру о возможностях означенного метода. — Я уже вижу, — сказал я, — что благодаря этому способу всё станет дозволено»¹⁰³.

¹⁰² Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 267.

¹⁰³ Паскаль Б. Письмо к провинциалу. С. 141.

5. Истина вне Христа

По мнению Паскаля, «Иисус Христос и апостол Павел гораздо более следовали порядку сердца, который есть порядок христианской любви, чем порядку ума; потому что их главная цель была не научать, но согреть. Блаженный Августин также его придерживался»¹⁰⁴. Та же мысль о первичности бескорыстной любви по отношению к любому сформулированному людьми представлению об истине с такой же остротой была выражена Достоевским в письме к Н. Д. Фонвизиной, написанном в 1854 г. из Омска, сразу после выхода из каторги: «...нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (28, 176). Предостерегая от того, чтобы из «истины делать идола», Паскаль утверждает: «...истина вне любви не есть Бог: это Его изображение, идол, которого не нужно ни любить, ни почитать; а еще менее нужно любить и почитать вещь, противоположную ему, т. е. ложь»¹⁰⁵. В том же письме Достоевский повторяет логическую связь, выстроенную Паскалем: «Истины священные», по мнению философа, исключительно и только «один Бог может вложить <...> в душу», «Ему угодно, чтобы истины эти истекали из сердца в разум, а не из разума в сердце», с целью «смирить горделивую власть разума, который ставит себя судьей вещей»¹⁰⁶. Паскаль настаивает на том, что здесь не работает логика «надо их узнать, чтобы полюбить», напротив, более правильно: «Надобно их возлюбить, чтобы познать», поскольку «истина постигается только любовью»¹⁰⁷, путь к истине идет исключительно через Христа, который и есть воплощенная любовь.

6. «Бедные люди» как иллюстрация

Некоторые произведения Достоевского выглядят как прямые иллюстрации или сюжетные воплощения афоризмов Паскаля. Например, роман «Бедные люди», который непосредственно выражает сентенцию: «Человек так велик, что величие его проявляется даже в том, что он сознает свое бедственное состояние. Дерево не знает своей бедности. Правда, несчастлив тот, кто чувствует себя несчастным; но также он и велик тем, что знает свое бедствие. Итак, самые бедствия человека

---

¹⁰⁴ Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 246.

¹⁰⁵ Паскаль Б. Мысли. М., 1899. С. 244.

¹⁰⁶ Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 62.

¹⁰⁷ Там же.

доказывают его величие»¹⁰⁸; единственное верное спасение от бедственности бытия — в уважении со стороны другого, «в этом уважении и заключается всё счастье людей»¹⁰⁹. Преодоление бедности своего состояния с помощью уважения и любви со стороны другого, пусть и столь же бедного существа — основа сюжета романа «Бедные люди».

В своем письме от 5 сентября Макар Девушкин создает описание аллегорического «сна о сапогах», в котором проводит мысль о неприемлемости полного растворения человека в окружающем его материальном мире: «...мастеровой какой-нибудь от сна пробудился; а во сне-то ему, примерно говоря, всю ночь сапоги снились, что вчера он подрезал нечаянно, как будто именно такая дрянь и должна человеку сниться! Ну да ведь он мастеровой, он сапожник: ему простительно всё об одном предмете своем думать. <...> тут же, в этом же доме, этажом выше или ниже, в позлащенных палатах, и богатейшему лицу всё те же сапоги, может быть, ночью снились, то есть на другой манер сапоги, фасона другого, но все-таки сапоги; ибо в смысле-то, здесь мною подразумеваемом, маточка, все мы, родная моя, выходим немного сапожники» (1, 88–89). Подобного характера мотив содержится в «Мыслях» Паскаля: «Если б каждую ночь нам снилось всё одно и то же, это наскучило б, может быть, столько же, как и предметы, которые видим ежедневно. И если б ремесленник, каждую ночь, в течение двенадцати часов видел себя во сне царем, я думаю, что он был бы почти так же счастлив, как и царь, который каждую ночь, в течение двенадцати часов, видел бы себя во сне ремесленником»¹¹⁰.

Рассуждая об относительности понятий «бедный» и «богатый», Паскаль говорит о часто встречающемся стремлении бедняков скрыть свое материальное положение: «Вещи, которые наиболее нас тревожат, часто вовсе незначительны; например, заботливость скрыть свою бедность. Из этой ничтожной вещи воображение наше делает гору. Дай другой оборот воображению, тогда бедняк охотно выскажет свою бедность»¹¹¹. Эта мысль также получила свое развитие в романе «Бедные люди». Макар Девушкин рассуждает о том, что «бедные люди капризны», что «бедный-то человек <...> взыскателен; он и на свет-то божий иначе смотрит, и на каждого прохожего косо глядит, да вокруг себя смущенным взором поводит, да прислушивается к каждому слову, — дескать, не про него ли там что говорят? Что вот, дескать, что же он такой неказистый? <...> А какое тебе дело, что у меня локти продраны? Да уж если вы мне простите, Варенька, грубое слово, так я вам скажу, что у бедного человека на этот счет тот же самый стыд, как и у вас, примером сказать, девический» (1, 68–69).

---

¹⁰⁸ Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 100.

¹⁰⁹ Там же. С. 102.

¹¹⁰ Там же. С. 139–140.

¹¹¹ Там же. С. 189.

7. Великий Инквизитор

В «Братьях Карамазовых» Великий Инквизитор разъясняет преимущества авторитарной власти, снимающей с человека тяжкое бремя ответственности за себя и судьбу мира: «Мы исправили подвиг твой и основали его на чуде, тайне и авторитете. И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо и что с сердец их снят, наконец, столь страшный дар, принесший им столько муки» (14, 234)¹¹². Роли авторитета, требующего слепого следования идее с отказом от ее критического рассмотрения и борьбе с этим разума человека посвящена глава первая «Мыслей» Паскаля «Об авторитетах в предметах философских»¹¹³, где, в частности, обозначено: «Не так бывает с предметами, подлежащими чувствам или размышлению. Тут авторитет бесполезен; их может постигать и разум. <...> К несчастью нашего века в богословии-то много новых мнений, не известных древним, упорно защищают и принимают с громким одобрением; а всё новое в науках естественных <...> считают ложным, если оно сколько-нибудь противоречит принятому мнению»¹¹⁴.

Невозможность с помощью насилия противостоять истине доказывается тем, что она непосредственно питается силами от Бога, и противостоять ей силовыми методами со стороны человека — затея несостоятельная, указывает Паскаль: «Странная это и продолжительная война, когда насилие пытается подавить истину. Все старания насилия не могут ослабить истины, а только служат к ее возвышению. Всё сияние истины бессильно остановить насилие и только еще более приводит его в ярость. <...> насилие и истина ничего не могут поделать друг против друга. Но пусть из этого не заключают, будто это две равные силы, ибо между ними существует то величайшее различие, что насилие имеет только ограниченную продолжительность по воле Божией, которая все его действия направляет к славе истины, гонимой им; тогда как истина пребывает вечно и в конце концов восторжествует над врагами своими, потому что она вечна и могущественна, как сам Бог»¹¹⁵.

---

¹¹² Согласно мнению комментаторов к роману «Братья Карамазовы» в Полном собрании сочинений Достоевского, эти слова Великого Инквизитора имеют аллюзивный адрес в «Письмах к провинциалу» Б. Паскаля, где отмечена унижающая человеческое достоинство снисходительность иезуитов к человеческим слабостям, в их трактовке «все почти становятся невинными»: «...если мы терпим некоторую распушенность в других, то скорее из снисхождения, чем с намерением. Мы вынуждены к этому. Люди до того теперь испорчены, что мы, не имея возможности привести их к себе, принуждены идти к ним сами; иначе они вовсе оставят нас, они сделают хуже, они окончательно опустятся» (*Паскаль Б.* Письма к провинциалу. С. 128; см.: 15, 561).

¹¹³ *Паскаль Б.* Мысли. 1843. С. 1–17.

¹¹⁴ Там же. С. 4, 6.

¹¹⁵ *Паскаль Б.* Письма к провинциалу. С. 257.

8. Наш мир — чистилище духов небесных

Паскаль утверждал, что жизнь человека, «самая ломкая в мире вещь», являет собой некое промежуточное, срединное состояние, играя роль прослойки между «адам или небом»¹¹⁶. «Когда я размышляю о кратковременности моей жизни, поглощаемой предшествующею и последующею вечностью, — пишет Паскаль, — о ничтожности пространства, которое я наполняю и даже которое я вижу — пространства, пропадающего в бесконечной неизмеримости других пространств, которых я не знаю и которые меня не знают, то я прихожу в ужас и изумляюсь, почему я в одном, а не в другом месте; ибо нет никакого основания быть мне здесь, а не там в настоящую минуту, а не раньше или позже. Кто меня поместил сюда? По чьему повелению и распоряжению мне назначено именно это место, именно это время? Жизнь это воспоминание об одном мимолетном дне, проведенном в гостях»¹¹⁷.

Эта мысль является одним из самых устойчивых лейтмотивов творчества Достоевского, начиная с юности и вплоть до «Братьев Карамазовых» и «Пушкинской речи». В своем послании к брату Михаилу Михайловичу от 9 августа 1838 г., в котором упоминается имя Паскаля, будущий писатель говорит о смешении в природе человека разнородных и противоположных начал: «Одно только состояние и дано в удел человеку: атмосфера души его состоит из слияния неба с землею; какое же противузаконное дитя человек; закон духовной природы нарушен... Мне кажется, что мир наш — чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию» (28, 50). Эта идея повторяется и развивается в записи, сделанной Достоевским в апреле 1864 г., после смерти М. Д. Достоевской — о переходности нынешнего исторического этапа в развитии человечества, о человеке как морально-онтологическом мосте, соединяющем идеал Христа и идеал Содомский. Основная мысль достаточно детального разъяснения следующая: человек есть «существо только развивающееся, следовательно, не оконченное, а переходное» (20, 172). В тот же период времени Достоевский записывает: «Патриархальность было состояние первобытное. Цивилизация — среднее, переходное. Христианство — третья и последняя степень человека» (20, 194); в статье «Одна из современных фальшей» в «Дневнике писателя» за 1873 г. Достоевский квалифицирует современное сообщество людей как «переходное и удивительное» (21, 125). Веря в то, что это переходное состояние человечества будет преодолено и в конечном итоге сообщество людей обретет более высокое этическое и бытийное состояние, начиная с середины 1860-х гг. Достоевский говорит о нынешнем времени как о переходном этапе в развитии человечества: «...столь неустойчивом, столь переходном, столь исполненным перемен и столь мало кого удов-

¹¹⁶ Паскаль Б. Мысли. М., 1899. С. 38.

¹¹⁷ Там же. С. 257–258.

летворяющем» (25, 127), эта мысль многократно повторяется в «Дневнике писателя» (25, 180; 25, 244 и др.). Задачей писателя, по мнению Достоевского, что он показывает на примере творчества Н. А. Некрасова, становится описание противоречий и раздвоений, до которых, «в области нравственной и в области убеждений, может доходить русский человек в наше печальное, переходное время» (26, 126). В черновом варианте «Бесов» Князь (Ставрогин) говорит: «Мы, очевидно, существа переходные, и существование наше на земле есть, очевидно, непрерывное существование куколки, переходящей в бабочку. Вспомните выражение: “Ангел никогда не падает, бес до того упал, что всегда лежит, человек падает и восстает”. Я думаю, люди становятся бесами или ангелами. <...> земная жизнь есть процесс перерождения. Кто виноват, что вы переродитесь в черта» (11, 184). Комментарий в Полном собрании сочинений связывает этот фрагмент с «Лествицей»¹¹⁸, с указанием на «неточное (очевидно, по памяти)» цитирование (12, 352). Однако не исключено, что в рассуждениях Ставрогина звучит также, параллельно с «Лествицей», мысль Паскаля: «Человек не ангел и не животное, и несчастье его в том, что, чем больше он стремится уподобиться ангелу, тем больше превращается в животное»¹¹⁹.

9. Падение и воспарение. Житие великого грешника

Одна из главных идей Паскаля, многократно упомянутых им в «Мыслях» — трагическое сочетание величия и ничтожества в человеческой натуре, что заставляет его в морально-этическом смысле временами воспарять ввысь, а временами — падать на самое дно. Эти нравственные падения и последующие движения к сияющему идеалу, часто снова оканчивающиеся падениями, по мнению Паскаля, есть проявление двойственности человеческой природы: «Что же это за химера — человек? Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, бессмысленный червь земляной, хранитель истины, сточная яма сомнений и ошибок, слава и сор вселенной»¹²⁰. Следствие этих противоречий — неспособность обрести устойчивое положение в мироздании: «Человек не знает, к кому себя причислить в мире. Он чувствует, что заблудился, упал оттуда, где было его истинное место, и теперь не находит дороги назад, хотя, снедаемый тревогой, без усталости ищет в непроходимом мраке»¹²¹. И это же оказывается причиной его устремленности к идеалу и сопутствующих этому движению нравственных падений: «Душе

¹¹⁸ Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Изд. 4-е. М., 1892. С. 51–52.

¹¹⁹ Ларошфуко Ф. де. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. де. Характеры. С. 171.

¹²⁰ Паскаль Б. Мысли. М., 1995. С. 110.

¹²¹ Ларошфуко Ф. де. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. де. Характеры. С. 181.

несвойственна высота, на которую поднимают ее иногда чрезмерные усилия разума; душа, так сказать, делает скачок и тотчас падает»¹²². По убеждению и Паскаля, и Достоевского, возобладавшие в историческом процессе научные методы и философские системы не приближают к раскрытию «тайны человека» и восстановлению нарушенного закона духовной природы, лишь усиливают «путаницу» и уводят от решения главных вопросов.

Паскаль подчеркивал страшную опасность игнорирования этой «двойственности человеческой натуры»¹²³, указывая, что не существует «учения, более свойственного человеку, чем то, которое открывает ему эту двойственную способность — получать благодать и терять благодать, так как он подвергается постоянно двойной опасности — отчаянию или гордости»¹²⁴. «Эта двойственность человека столь очевидна, что иные думают, будто мы имеем две души, так как однородный предмет им кажется неспособным <...> на безмерную самонадеянность и на ужасный упадок духа»¹²⁵. Принципиальная двойственность человеческого существа была также одной из важнейших тем другого сочинения Паскаля, «Писем к провинциалу». В этом произведении он сравнивал внутреннее состояние пребывающего в состоянии двойственности Homo Sapiens с прихожанином, которому предписано слушать одновременно две обедни двух священников¹²⁶ или исповедующегося двум духовникам, первый из которых предназначен «для смертных грехов, а другой для простительных»¹²⁷.

Замысел романа «Атеизм» формировался в прямой связи с принципиально тем же пониманием человека, сложившимся, по-видимому, не без влияния антропологии Паскаля. В письме к А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. Достоевский говорит об этом замысле, впоследствии (частично) осуществленном в «Бесах»: «Здесь же у меня на уме теперь 1) огромный роман, название ему “Атеизм” <...>. Лицо есть: русский человек нашего общества, и в летах, не очень образованный, но и не необразованный, не без чинов, — вдруг, уже в летах, теряет веру в Бога. <...> Он шныряет по новым поколениям, по атеистам, по славянам и европейцам, по русским изуверам и пустынножителем, по священникам; сильно, между прочим, попадает на крючок иезуиту, пропагатору, поляку; спускается от него в глубину хлыстовщины — и под конец обретает и Христа и русскую землю, русского Христа и русского Бога. (Ради бога, не говорите никому; а для меня так: написать этот последний роман, да хоть бы и умереть — весь выска-

¹²² Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 242.

¹²³ Ларошфуко Ф. де. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. де. Характеры. С. 179.

¹²⁴ Паскаль Б. Мысли. М., 1899. С. 143.

¹²⁵ Там же. С. 141.

¹²⁶ Паскаль Б. Письма к провинциалу. С. 197.

¹²⁷ Там же. С. 201. (О двойных мыслях и словах, имеющих «двойкий смысл» см. с. 315, 321, 325, 344, 366, 383, 405 и др.).

жусь)» (28₂, 329). Достоевский намеревается в связи с этим замыслом «прочесть чуть не целую библиотеку атеистов, католиков и православных» (28₂, 329). Нет никаких сомнений, что существенное место в этой «библиотеке» занимают произведения Паскаля. Через год, в письме тому же адресату, Достоевский прибавляет: «Главный вопрос, который проведется во всех частях, — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — существование Божие. Герой, в продолжение жизни, то атеист, то верующий, то фанатик и сектатор, то опять атеист» (29₁, 117)¹²⁸.

10. Реальность Мироздания и Иисус Христос

Как и Иван в «Братьях Карамазовых», Паскаль считал материалистические доказательства «бесконечной субстанции» прямо ведущими к деизму или даже к атеизму. Критикуя Декарта, он писал: «Не могу простить Декарту: он очень хотел бы обойтись в своей философии без Бога, но так и не обошелся, заставил его дать мирозданию щелчок и тем привести в движение, а потом Бог стал ему не надобен»¹²⁹. Возможно, апелляция черта к логике Декарта в известном диалоге с Иваном Карамазовым связана с общностью их взглядов в рамках рационализма и солипсизма. Черт воспроизводит известный силлогизм Декарта «*Je pense donc je suis*» и подчеркивает, что не знает, существует ли Бог и мир вокруг него — «всё, что кругом <...> не доказано, существует ли оно само по себе или есть только одна моя эманация» (15, 77).

11. Обращение мира в ад

Мысль о том, что без Иисуса Христа, идеи любви и самопожертвования мир обратился бы в ад, принадлежит Паскалю: «Без Иисуса Христа мир не существовал бы, ибо он необходимо разрушился бы или был бы вроде ада»¹³⁰. Излечение Раскольников от «наполеоновской идеи» ознаменовалось вещим сном, в котором он видит крайнюю степень разобщения людей, приведшую к обращению мира в ад: «Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве <...> всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других <...> начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод» (6, 419–420). Говоря о пороках гордости и бездействия, которые сопровождают человека в этом мире, Паскаль добавляет: «От этих-то

¹²⁸ План романа «Житие великого грешника»: (9, 125–127).

¹²⁹ *Ларошфуко Ф. де. Мысли. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. де. Характеры.* С. 126.

¹³⁰ *Паскаль Б. Мысли.* М., 1899. С. 201.

неполных познаний приключается, что одни, зная наше бессилие, и не понимая долга, впадают в малодушие, другие же, понимая долг, но не зная нашей слабости, заносятся в гордость. Быть может, подумают, что соединив эти два начала, можно образовать совершенное нравочучение; но вместо этого мира последовали бы от их совокупления только война и всеобщее разрушение»¹³¹.

12. Уступ над пропастью

Главный герой романа «Преступление и наказание» рассуждает: «...где это я читал, как один приговоренный к смерти, за час до смерти, говорит или думает, что если бы пришлось ему жить где-нибудь на высоте, на скале, и на такой узенькой площадке, чтобы только две ноги можно было поставить, — а кругом будут пропасти, океан, вечный мрак, вечное уединение и вечная буря, — и оставаться так, стоя на аршине пространства, всю жизнь, тысячу лет, вечность, — то лучше так жить, чем сейчас умирать! Только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить — только жить!.. Экая правда! Господи, какая правда!» (6, 123). На подобном выступе скалы в швейцарских Альпах по много часов сидит в предсмертной тоске Мари в «Идиоте» (8, 163).

Одно из важнейших событий жизни Паскаля, отмеченное всеми биографами, — его чудесное спасение от гибели: «...однажды, когда он ехал по мосту без перил, лошади взбесились и понесли прямо в воду, но на самом краю пропасти постромки оборвались и экипаж как-то остановился. Случай этот так потряс Паскаля, что впоследствии его постоянно преследовали галлюцинации: ему казалось, что на левой стороне около него зияет пропасть, и он ставил на это место стул, чтобы успокоить себя»¹³². Как будто комментируя это свое состояние, Паскаль пометил в «Мыслях»: «Мы беззаботно стремимся в пропасть, поставивши что-нибудь перед собою, чтобы помешать себе видеть ее»¹³³. О трудности перенести пребывание на узком пространстве над пропастью он заметил: «Сила воображения такова, что величайшей философ в свете, несмотря на убеждения разума в его безопасности, не устоит на доске ширины более чем достаточной, если она лежит над пропастью»¹³⁴.

---

¹³¹ Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 278.

¹³² Прево-Парандоль Л.-А. Паскаль как моралист // Паскаль Б. Мысли. М., 1899. С. 6.

¹³³ Паскаль Б. Мысли. М., 1899. С. 39.

¹³⁴ Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 133. См. в другом переводе: «Положим, величайший в мире философ стоит на доске, которая шире, чем это нужно для ходьбы, а внизу под ней пропасть: как бы разум ни убеждал его в безопасности, воображение все-таки возьмет верх. Многие при одной мысли об этом побледнеют и их бросит в пот» (Паскаль Б. Мысли. М., 1899. С. 58).

В черновых записях к роману «Преступление и наказание» этот мотив с «аршином пространства» обозначен еще более конкретно: «Если б был на Луне и возвратился к людям. <...> Значит, был на аршине пространства из мрака и бури и возвратился к людям» (7, 225). Вариант белого автографа: «Подлец я: ведь я уже соглашался жить на аршине пространства и только от отвращения одного хотел [предать себя] кончить совсем! Достало, впрочем, хоть этого-то благородства!» (7, 226). Далее этот паскалевский мотив повторяется в «Подростке», где с использованием той же метафоры описываются идеологические искания главного героя: «Я шел по тоненькому мостику из щепок, без перил, над пропастью, и мне весело было, что я так иду; даже заглядывал в пропасть. Был риск, и было весело» (13, 163–164). В «Дневнике писателя» Достоевский дает пояснение этому состоянию человека: «Это потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и — в частных случаях, но весьма нередких — броситься в нее как ошалелому вниз головой» (21, 35, см. также: 21, 39).

13. Уголочек

Персонажи Достоевского частенько имеют весьма характерные тесные апартаменты, начиная с «уголочка» Макара Девушкина и включая «каморку», или «корабельную каюту» Раскольников. Стремление замкнуться в некой небольшой комнате и предаться самопознанию — важная черта героев-философов писателя. Обоснование такого рода сознательного замыкания себя в ограниченном пространстве мы обнаруживаем в «Мыслях» Паскаля. По его мнению, отвлеченные от самих себя люди, поддаваясь неверной жизненной установке, начинают последовательно «преследовать свои честолюбивые замыслы, рождающие столько споров, страстей, столько гибельных и несчастных предприятий: я часто повторял, что всё горе людей происходит от неумения покойно сидеть в одной комнате»¹³⁵; правда, уточняет философ, такая роскошь — тихо сидеть в своей комнатке — доступна лишь человеку, «имеющему довольно достатка»¹³⁶.

Размышляя о том, почему человек не желает думать себе как о существе, предстоящем перед Мирозданием, Паскаль приходит к выводу об «онтологической бедности» человека, основной причине этого явления: «Но когда рассмотрел это пристальнее, я увидел, что отвращение людей от спокойствия и одиночества происходит от причины весьма существенной; а именно, от естественного бедствия нашего

---

¹³⁵ Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 156–157.

¹³⁶ Там же. С. 157.

слабого и конечного существа, и до того жалкого, что ничто не может нас утешить, если ничто не мешает нам о нем думать, и если мы видим только самих себя»¹³⁷. Выходом из этого состояние является религия, которая «возносит человека к Богу»¹³⁸, а также стремление к «*другой жизни*, которая должна освободить его от них совершенно»¹³⁹. Человеку, впавшему в это состояние глубокого погружения в себя, обязательно нужно дать выход его чувствам и мыслям, «и если его не станут занимать вне его, он неминуемо будет несчастлив»¹⁴⁰. Макар Девушкин стремится к этой «другой жизни», и эта метафора обретает у него две формы, раздваиваясь: другой жизнью, ради которой он существует, является Варенька, другим вариантом его собственной жизни становится жизнь в литературе, реализации своих мыслей, чувств, переживаний в форме письменного слова, имеющего заинтересованного и любящего читателя.

Состояние одиночества в произведениях Достоевского часто является знаком метафизического противостояния ментальному насилию «средь» и «общества» над личностью человека, стоящего один на один против «векового вопроса» о жизни и смерти. Этот мотив обнаруживается у Достоевского в произведениях докторского периода, так, Ордынов в «Хозяйке» именно с помощью одиночества развивает в себе «крайнюю впечатлительность, обнаженность и незащищенность чувства» которые возрастают в нем в «безвыходном безмолвии долгих, бессонных ночей, среди бессознательных стремлений и нетерпеливых потрясений духа» (1, 270–271). Те же переживания свойственны герою «Белых ночей» (2, 132), «Неточки Незвановой» (2, 165), повествователю «Маленького героя» (2, 269). Но особенно явно эта тема разрабатывается в произведениях 1860–1870-х гг. — в «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Бесах» и др. Ключом к пониманию смысла этого специфического «одиночества» является запись в черновиках «Подростка», в которой ставится знак равенства между значениями «преходимость и конечность» человеческого существа и его «одиночеством» (17, 230). Героям-философам, пребывающим в этом состоянии, противопоставляются персонажи, которые не выносят одиночества, требуют, чтобы их развлекали, они не в состоянии оставаться наедине с самими собой. Например, Степан Трофимович Верховенский («Бесь»), который «не выносил одиночества и беспрерывно жаждал, чтоб его поскорее развлекали. <...> Если же долго никто не приходил, то он тоскливо бродил по комнатам, подходил к окну, в задумчивости жевал губами, вздыхал глубоко, а под конец чуть не хныкал» (10, 52).

---

¹³⁷ Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 156–157.

¹³⁸ Там же. С. 158.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же. С. 159.

Паскаль многократно отзывался о наиболее распространенной модели проживания жизни согласно формуле «не чувствуя самих себя». Человеческая цивилизация построена, по мысли Паскаля, на идее отвлечения человека от мыслей о себе самом, от ответственности за себя и других; используя выработанные культурой механизмы, человек стремится отвлечься и «забыться», «в этом самозабвении состоит всё ее блаженство»¹⁴¹. Вместо того, чтобы посвятить свою жизнь познанию себя/Вселенной, для чего, по его мнению, предназначен человек, мы «умышленно губим это время, чтобы избежать внутренней досады и тоски, которую навлекло бы на нас размышление о себе»¹⁴²; «Стоит только отнять у них заботы: тогда они увидят себя и станут о себе думать, а это всего им несноснее. Даже теперь, заваленные такою кучею дел, если им остается одна минута отдыха, они стараются потерять и ее в каком-либо увеселении, которое заняло бы их совершенно и отвлекло бы от самих себя»¹⁴³. Эта мысль многократно повторяется в «Мыслях» Паскаля. Суммируя свои размышления на эту тему, он делает морализаторский вывод: «Человеку, который любит только себя, всего ненавистнее быть одному с собою. Он старается только для себя, и ничего так не избегает, как самого себя; потому что когда видит себя, он не видит себя таким, каким желал бы, и находит в себе тьму несовершенств неизбежных, и недостаток благ истинных и прочных»¹⁴⁴.

14. Стремление к естественному слогу

Стремление к безыскусному, наивному повествованию, на протяжении всей жизни свойственное Достоевскому¹⁴⁵, было одним из важнейших творческих принципов Паскаля: «Встречая слог естественный, мы удивлены, мы восхищены: мы думали встретить автора, а находим человека. Напротив, люди с правильным вкусом, которые надеются в хорошей книге найти человека, приходят в изумление, встретив сочинителя: plus poetice quam humane locutus est (который выражается более поэтически, чем человечески)»¹⁴⁶.

---

¹⁴¹ Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 155.

¹⁴² Там же. С. 154.

¹⁴³ Там же. С. 156–157.

¹⁴⁴ Там же. С. 158–159.

¹⁴⁵ На протяжении всей его творческой жизни Достоевскому был «важен образ опытного рассказчика, хроникера, летописца, репортера — отнюдь не профессионального писателя. Он не хочет, чтобы его произведение сочли за писательское, литературное творчество. Достоевскому чужда позиция спокойного писательского всеведения» (Лихачев Д. С. В поисках выражения реального // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 1. Л., 1974. С. 10).

¹⁴⁶ Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 251.

15. Кроткая

В связи с основным смысловым вектором повести «Кроткая» можно предположить ее связь с формулой кротости, выведенной Паскалем, согласно которой именно это состояние — кратчайший путь к Богу: «Бог не иначе водворяет завет свой в душе нашей, как усмиряя мятежную волю небесной кротостью, пленяющею и увлекающею душу»¹⁴⁷. У Достоевского кротость как обозначение особой близости к Богу впервые встречается в «Бедных людях» (1, 16), далее этим словом характеризуются герой «Двойника» Голядкин-старший (1, 117, 158, 172, 204), Катерина из «Хозяйки» (1, 268, 269), Вася Шумков из «Слабого сердца» (2, 43), Неточка Незванова из одноименной повести (2, 219); «кротость» как важное свойство христианина упоминается в стихотворениях Достоевского «На европейские события в 1854 году», «На первое июля 1855 года», «На коронацию и заключение мира» (2, 405, 407, 409) и далее встречается во всех без исключения произведениях Достоевского, характеризуя героев-философов, посвящающих свою жизнь бескорыстной и самоотверженной помощи другим, наиболее полное психологическое описание получив в повести «Кроткая» (24, 5–21).

16. Холоден и горяч

В романе «Бесы» воспроизводится цитата из Апокалипсиса: «И ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия. Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если б ты был холоден или горяч! Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст моих» (Откр. 3: 14–17), ее читает Степану Трофимовичу Верховенскому вдова погибшего в Севастополе офицера Софья Матвеевна Улитина. Эти слова вызывают бурное одобрение Степана Трофимовича, который обнаруживает в них объяснение мучившей его многие годы социально-нравственной проблемы: «Я никогда не знал этого великого места! Слышите: скорее холодного, холодного, чем теплого, чем только теплого. <...> Мы докажем, мы докажем!» (10, 497). Прямое цитирование Апокалипсиса здесь не вызывает никаких сомнений. Однако Достоевский мог встретить эту мысль и в другом месте — в «Мыслях» Паскаля, который писал, что человек не чувствует «ни крайней степени тепла, ни крайней степени холода. Крайности для нас разрушительны, а не ощутительны»¹⁴⁸.

---

¹⁴⁷ Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 64.

¹⁴⁸ Там же. С. 98.

17. Счастье в несчастье

В рукописи к «Бесам» есть запись: «Ш[атов] говорит: “Человеку, кроме счастья, необходимо и несчастье, и много-много”» (11, 105). У Паскаля читаем: «С самых юных лет возлагают на людей бремя забот о чести, имуществе их, и даже о чести и имуществе родных и друзей. Мучают их изучением языков, наук, искусств и телесных упражнений. Заваливают делами: внушают им, что счастье их зависит единственно от того, ежели они своим умом и трудами будут поддерживать свое имя и честь, даже имя и честь своих друзей; и что малейшее упущение навлечет на них беду. Поручают им такие должности и дела, по которым надо хлопотать с самого рассвета. Вот, скажете вы, странный способ делать их счастливыми. Как же найдется лучше сделать их несчастными?»¹⁴⁹

18. Мечтатели

Мечтатели Достоевского — одна из самых популярных тем в литературе о писателе, получившая многообразное и более чем детальное рассмотрение в литературе о творчестве писателя. Это оправдывается тем, что герои-философы Достоевского выстраивают в своем сознании собственный, резко расходящийся с реальностью мир; они мечтатели и утописты, как правило отдающие себе в этом отчет. Героиня «Бедных людей» Варенька Доброселова не просто мечтательная натура, но буквально «изнурена» своей мечтательностью (1, 39, 83). Мечтателем на грани сумасшествия является герой «Слабого сердца» Вася Шумков¹⁵⁰, музыкант Ефимов из «Неточки Незвановой» (2, 175), сама Неточка (2, 216) и ее мать (2, 154–155), Зина из «Дядюшкиного сна» (2, 386). «Большими мечтателями», по мнению Достоевского, являются заключенные Омского острога (4, 66, 196, 230), главный герой «Преступления и наказания» Раскольников (6, 7, 19, 32, 78 и др.), его сестра Авдотья (7, 167), князь Мышкин (8, 51) и Настасья Филипповна Барашкова в «Идиоте» (8, 144), Степан Трофимович (10, 21, 240, 480), Липутин (10, 109), Ставрогин (10, 514), Шатов (10, 451), Мария Лебядкина (10, 114–115), старец Тихон (11, 190) в «Бесах» и т. д. Достоевский вывел эту категорию на уровень жанровой характеристики, снабдив свою повесть «Белые ночи» подзаголовком «Из воспоминаний мечтателя» (2, 102).

В основе феномена «мечтательства» лежит глубокая неудовлетворенность окружающей жизнью, сочетающаяся с осознанием невозможности ее изменить и приводящая к строительству фантастического

¹⁴⁹ Там же. С. 155–156.

¹⁵⁰ «Ты, кроме того, и мечтатель, а ведь это тоже нехорошо: свихнуться, брат, можно!» (2, 37).

мира, в котором действуют правила и нормы, удовлетворительные для индивидуума, стремящегося к нравственному совершенству. В романе «Униженные и оскорбленные» сформулированы основные две черты мечтательности: «уединение» и «чтение романов» (3, 315). В черновых записях к «Бесам» среди важнейших черт «мечтателя» Достоевский отмечает «восторженное упоение» (11, 56) своей «отвлеченной» мыслью (11, 143), доводящей его до преступления или самоубийства (16, 126, 388), и вместе с тем полной невозможностью от этой мысли отказаться (16, 152). В 1870-х гг. Достоевский начал работу над романом «Мечтатель» (17, 8–10), оставшимся незавершенным. В Полном собрании сочинений Достоевского отмечено, что этот тип занимает в творчестве Достоевского центральное место, и писатель стремится дать ему «широкое философско-историческое и социально-психологическое обоснование в своих фельетонах» (1, 508) и что этот тип протеста против несовершенства реальной действительности связан с традициями романтизма и одновременно имеет автобиографический характер (1, 509).

В «Мыслях» Паскаля содержится тезис, который точно соответствует концепции «мечтательства», отраженной в творчестве Достоевского. В «Статье VI» (глава II) своих «Мыслей» Паскаль пишет: «Так называемое мнение, или фантазия — главная причина заблуждения нашего — тем обманчивее, что она не всегда обманывает: иначе, если бы всегда и постоянно вводила нас в обман, можно бы придерживаться ее, как путеводительницы к истине <...> она равно выказывает и ложь, и правду. Эта гордая сила, неприятельница разума, которая любит верить его и повелевать им, чтоб показать, как велико ее могущество во всем, дала в человеке другую природу. Она имеет своих счастливых и своих несчастных; своих здоровых, своих больных; своих богатых, своих бедных; своих безумцев и своих мудрецов: и всего досаднее видеть, что она доставляет своим поклонникам наслаждение несравненно полное, чем разум: умники, много о себе мечтающие, гораздо довольнее собою, чем благоразумные. Они смотрят на людей свысока; спорят дерзко и с самоуверенностью; другие же робко и нерешительно; и этот отважный вид часто доставляет им преимущество в мнении слушающих»¹⁵¹. В другом разделе своей книги философ добавляет: «Мы не довольствуемся жизнью, которую имеем в себе, в нашем собственном бытии: хотим жить в понятии других жизнью мечтательною; и для того силится выказывать себя. Беспреестанно трудимся над украшением и сохранением этого мечтательного существования и небрежем об истинном»¹⁵².

---

¹⁵¹ Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 124.

¹⁵² Там же. С. 109.

19. Почвенничество

В статье «Два лагеря теоретиков (по поводу “Дня” и кой-чего другого)» (1862) Достоевский с сарказмом воспроизводит мысль о ценности «общечеловеческих свойств»: «Нам нужен человек, который был бы везде один и тот же — в Германии ли то, в Англии или во Франции, который воплощал бы в себе тот общий тип человека, какой выработался на Западе», задавая вопрос: «...точно ли выиграет много человечество, когда каждый народ будет представлять из себя какой-то стертый грош, и какая именно будет оттого польза?» (20, 6). Основная идея «почвенничества» Достоевского, указывающего на важность связей между ментальностью человека с тем местом на поверхности Земли, в котором он родился и вырос, перекликаются с одним из тезисов Паскаля. Достоевский указывал, что «весь порядок в каждой стране — политический, гражданский — всегда связан с почвой и с характером землевладения в стране <...> В каком характере сложилось землевладение, в таком характере сложилось и всё остальное <...> свобода, и жизнь, и честь, и семья, и церковь <...> характер нации» (25, 98–99). Вот как эта мысль выглядит у Паскаля: «Нет такой правды или неправды, качество которой не менялось бы с переменою климата. Подвиньтесь на три градуса ближе к полюсу, и наше законоведение опрокинется. Меридианом определяют истину, и несколько лет право на владение. Основные законы изменяются. Право имеет свои эпохи. Забавная правда, которую разграничивает река или гора! Что справедливо по сю сторону Пиренеев, то по ту сторону — заблуждение»¹⁵³.

20. Два типа людей

В споре с Порфирием Петровичем на страницах «Преступления и наказания» Раскольников подчеркивает, что «законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь <...> все, не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природе своей, быть непременно преступниками <...> вы видите, что до сих пор тут нет ничего особенно нового. Это тысячу раз было напечатано и прочитано» (6, 199–200). Например, в «Мыслях» Паскаля, также выражавшего сарказм в отношении условности в устройстве любого законодательства: «Праведно и законно есть то, что *постановлено*;

¹⁵³ Там же. С. 129–130.

поэтому все наши постановленные законы необходимо справедливы, без великого рассмотрения — потому что они постановлены»¹⁵⁴.

Согласно Паскалю, желание человека властвовать над себе подобными является едва ли не самым привлекательным делом для определенного типа людей, которые обретают эту возможность и сосредотачиваются на ней как на единственно возможной для них жизненной позиции: «Самый высокий сан не довольно ли велик сам по себе, чтобы сделать смертного, который им обладает, счастливым через одно созерцание того, кто он есть? Ужели еще нужно развлекать властелина, как людей обыкновенных? Вижу ясно, что для счастья обыкновенного человека, иногда надобно отклонять взор его от домашних бедствий и наполнять все его мысли тем, чтоб он умел хорошо протанцовать. Но разве можно включить в тот же порядок властелина? и будет ли он счастливее, предаваясь этим суетным забавам, более чем созерцанию своего величия?»¹⁵⁵ Нет необходимости доказывать, что эта идея владеет умами нескольких персонажей Достоевского, которые отдают всё, что имеют, ради возможности распространить свою власть на других. Иронически отзываясь о теории Раскольникова, признающего «сильных мире сего», «право имеющих», людьми высшего сорта, Порфирий Петрович указывает на относительность званий и чинов в контексте вопроса о смысле жизни и смерти человека: «Наполеоном-то, может быть, и не сделался бы, ну а майором бы был-с, хе-хе-хе!» (6, 263).

Раскольников также осознает условность законов, которые придуманы людьми, защищающими свои интересы или интересы социальных или этнических групп (6, 199), эта мысль утверждается также в «Записках из подполья» (5, 112). Основную проблему, которая мучает Раскольникова и заставляет его пойти на убийство процентщицы, Паскаль в своих «Мыслях» определяет следующим образом: «... есть, конечно, естественные законы; но наш препрославленный разум, сбившись с истинного пути, всё испортил: *Nihil amplius nostri est; quod nostrum dicimus, artis est; ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur; ut olim vitiiis, sic nune legibus laboramus.* (Собственно нашего нет уже ничего; что называешь своим, то поддельное; преступления совершаются по сенатским и народным определениям; как прежде страдали от пороков, так ныне от законов)»¹⁵⁶.

Продолжая эту мысль, Паскаль говорит о непримиримой борьбе между двумя типами людей — ответственными, креативными энтузиастами и пассивными и безынициативными исполнителями чужой воли: «Люди, способные изобретать, редки: неизобретающих гораздо больше, и потому они сильнее. Обыкновенно они любят оспаривать у изобретателя славу, которую он заслужил, или старается заслужить своими

¹⁵⁴ Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 194.

¹⁵⁵ Там же. С. 159–160.

¹⁵⁶ Там же. С. 130–131.

изобретениями. Если он упорствует в своем искательстве, и платит презрением людям ума неизобретательного, этим навлечет на себя только насмешки и прослышет мечтателем»¹⁵⁷. Та же мысль встречается и в «Письмах к провинциалу»: «1. Благодать дана не всем людям. 2. Все праведные имеют способность исполнять заповеди Божии. 3. Им необходимо, тем не менее, для совершения их и даже для молитвы иметь действительную благодать, которая определяет их волю. 4. Эта действительная благодать не всегда дается всем праведным и зависит только от милосердия Божьего»¹⁵⁸.

Помимо указанной концепции, развиваемой героями «Преступления и наказания», о разделении человечества на два типа — «материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово» (6, 200) — воспроизведением подобной идеи можно также считать разговор Аркадия Долгорукова со Стебельковым в романе «Подросток» о двух типах людей, один из которых, неспособный создать нечто новое, отбирает у создателя продукты его труда: «Нет-с, позвольте. На свете везде второй человек. Я — второй человек. Есть первый человек, и есть второй человек. Первый человек делает, а второй человек возьмет. Значит, второй человек выходит первый человек, а первый человек — второй человек. Так или не так?» (13, 181–182).

Раскольников вовсе не сторонник социальной революции в русле идеи «бедные против богатых», как иногда это изображается в литературе о Достоевском, он объявляет войну людской «посредственности», опасной для человечества тем, что в ее хаосе не в состоянии осуществить себя талантливые, высоконравственные люди. Определяя свое нравственное и социальное состояние как «ужас», «пошлость» и «подлость» (6, 211), Раскольников хотел бы противостоять «бесчисленному и разноличному легиону пошляков, дохленьких недоносков и всему недоучившихся самодуров» (6, 279), такого рода как, например, Лебезятников — «пошленький и глуповатый человек» (6, 280). Не случайно во время работы над романом Достоевский в задумчивости писал по-французски слово «рутина»¹⁵⁹; как и его друг Разумихин, Раскольников ополчился «на рутину их дряхлую, пошлейшую, закорузлую», мечтая о «целом новом пути» (6, 105). Эти идеи Достоевский вынес из глубин своего личного мироотношения, своего опыта противостояния «золотой середине», как он это назвал, но одновременно мог встретить и в «Мыслях» Паскаля: «...посредственность всегда в похвале у людей. Этот порядок установило большинство, и оно же язвит всякого, кто успел каким-либо образом переступить эту черту. Я и не прекословлю;

¹⁵⁷ Там же. С. 189–190.

¹⁵⁸ Паскаль Б. Письма к провинциалу. С. 57.

¹⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 3. Ч. 130(18); каллиграфия: «PARTIE» (3), «La Routine», графические композиции на основе букв «J», «N», «R» (3).

согласен, чтобы меня заключили в эти пределы; и если не хочу быть последним с конца; то не потому чтоб не быть последним, но чтоб не быть на конце. Я отказался бы также и быть первым. Выйти из середины, значит выйти из человечества: величие души человеческой состоит в умении держаться в этой середине, и столько же потребно величия выйти из нее, сколько и не выходить из нее»¹⁶⁰. К этому нужно прибавить, что вопросу, который мучает главного героя «Преступление и наказание», — можно ли убить человека ради доброй цели, исполняя долг чести или находясь в состоянии глубокого оскорбления, «со спокойной совестью»¹⁶¹, посвящены главы 8 и 13 в «Письмах к провинциалу», а также ряд других разделов этой книги Паскаля¹⁶².

21. Игра

В «Мыслях» Паскаля содержится очерк психологической мотивировки азартной игры на деньги, возможно, оказавший влияние на сюжет романа «Игрок»: «Иной без скуки проводит всю жизнь, играя каждый день *по маленькой*. Давайте же ему всякое утро деньги, которые он мог бы выиграть, — только с условием, чтоб ему не играть, — он придет в отчаяние. Быть может, скажут: он ищет удовольствия в игре, а не выигрыша. Но заставьте его играть даром, он не разгорячится и соскучится. Итак, не просто забавы ищет он: удовольствие холодное и бесстрастное наведет на него скуку. Надо, чтобы он разгорячился, чтобы воображение его разыгралось при мысли: как он будет счастлив, если выиграет, а без того он и не возьмет, если б ему давали под условием, чтоб не играл более. Ему нужен предмет страсти, возбуждающий его желание, его гнев, его страх, его надежду»¹⁶³.

22. Голова преступника и крест

В романе «Идиот» князь Мышкин рисует перед сестрами Епанчинными словесную картину, которая олицетворяет ужас смерти, нависающей над каждым живым существом — «голова преступника

---

¹⁶⁰ Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 200. Эта фраза снабжена примечанием переводчика И. Г. Бутовского: «Не много насчитаем таких, которые на вашем веку вышли из этой середины».

¹⁶¹ Паскаль Б. Письма к провинциалу. С. 153–157.

¹⁶² «...я прочел следующие слова: “Чтобы совершить грех и быть виновным перед Богом, нужно сознавать, что собираешься совершить поступок недостойный, или, по крайней мере, сомневаться, опасаться; или же, понимая, что Богу не угодно это действие, что Он его воспрещает, тем не менее совершить его, дерзнуть и преступить”. — Вот это хорошее начало, — сказал я» (Паскаль Б. Письма к провинциалу. С. 87).

¹⁶³ Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 171–172.

и крест» — изображение последних минут жизни человека, «ровно за минуту до смерти <...> Кругом народ, крик, шум, десять тысяч лиц, десять тысяч глаз, — всё это надо перенести, а главное, мысль: “Вот их десять тысяч, а их никого не казнят, а меня-то казнят!” <...> голова, лицо бледное как бумага, священник протягивает крест, тот с жадностью протягивает свои синие губы, и глядит, и — всё знает» (8, 55–56). Эскиз этой картины обнаруживается в «Мыслях» Паскаля: «Представьте себе множество людей в цепях, и все они осуждены на смерть; из них некоторые ежедневно умерщвляются перед глазами других; остальные, видя свой такой же жребий, и смотря друг на друга, с горестью и без надежды, ожидают своей очереди — вот изображение человеческого состояния!»¹⁶⁴

23. Красноречие и остроты

Один из афоризмов Паскаля гласит: «Страсть отпускать остроты есть признак дурного нрава»¹⁶⁵. Достоевский был полностью согласен с этой мыслью. Персонажи «золотой середины», пошляки и лицемеры в произведениях Достоевского стремятся произвести впечатление на окружающих с помощью натужных усилий удачно пошутить. Мозгляков из «Дядюшкиного сна» общается с окружающими с претензией «на юмор и остроту» (2, 303). Герой «Записок из подполья» ненавидит в Зверкове «обожание собственных своих остроут, которые у него выходили ужасно глупы» (5, 136), его возмущают «плоские <...> шутки и остроты» (5, 142). Герой «Крокодила», находясь внутри пресмыкающегося, намеревается поразить публику тем, что будет «сыпать остротами», которые будут подобраны заранее, «еще с утра» (5, 195). В кошмарном сне Раскольников о зверском убийстве лошади пьяные мужики, «человек шесть», «лезут в Миколкину телегу с хохотом и остротами» (6, 47); в том же произведении недалекий полицейский чин Илья Петрович постоянно хохочет, «вполне довольный своими остротами» (6, 408). Вельчанинов в «Вечном муже» «чрезвычайно натурально мог прикинуться <...>, когда надо, веселейшим и счастливейшим человеком. Очень ловко умел тоже вставить между словами острое и задирающее словцо, веселый намек, смешной каламбур, но совершенно как бы невзначай, как бы и не замечая, — тогда как и острога, и каламбур, и самый-то разговор, может быть, давным-давно уже были заготовлены и заучены и уже не раз употреблялись» (9, 72). Претендуя на роль остроумного человека, формулирует свое «мухоедство» капитан Лебядкин: «Я хотел было тут сказать: получив наследство, — собственно так, для остроты, но так как тараканы не получают

¹⁶⁴ Там же. С. 175.

¹⁶⁵ Там же. С. 204.

наследства, то я и предпочел написать “полный мухоедства”» (11, 42). В «Подростке» князю Сокольскому «лестно, что острога его произвела такой эффект (даже хотя бы и на Подростка)» (16, 33). Систематически хохочет своим острогам Дмитрий Кармазов (15, 27, 28). Формируя образ «генерала» в «Подростке», Достоевский записывает себе задание: «Наготовить остроги» (16.190). Одновременно Раскольников категорически чужд какого-либо остроумия, Разумихин объясняет это следующим образом: «Не насмешлив, и не потому, чтоб остроги не хватало, а точно времени у него на такие пустяки не хватает» (6, 165).

24. Перетащить на себе

Работая над «Преступлением и наказанием», Достоевский делает запись, которая часто и по самым разным поводам цитируется: «Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием. Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание (т. е. непосредственно чувствуемое телом и духом, т. е. жизненным всем процессом) приобретается опытом pro и contra, которое нужно перетащить на себе» (7, 153). Здесь Достоевский фактически воспроизвел мысль, ранее высказанную Паскалем: «Обыкновенно мы лучше убеждаемся причинами, которые приискали сами, чем теми, которые пришли на ум другим»¹⁶⁶.

***

Паскалевские реминисценции и аллюзии пронизывали не только собственно литературное творчество Достоевского, но были частью личного, экзистенциального самосознания писателя. Читая в критических отзывах о «Бедных людях», например, что в его романе постоянно кланяешься Гоголю¹⁶⁷, Достоевский, возможно, припоминал уроки Паскаля, который освободил его от мучений по таким поводам своим утверждением: «По мнению некоторых людей, автор не должен говорить о том, о чем уже говорили другие: иначе его обвинят в повторении чужого. Но пусть предмет его не нов, можно дать ему расположение новое. Игроки играют одним и тем же шаром, но один бросает лучше другого. Не всё ли равно, если бы автора осудили: зачем употребляет он старые слова? Одна и та же мысль, другим порядком расположенная, составляет другую речь, так точно как одни и те же слова, при другом

---

¹⁶⁶ Паскаль Б. Мысли. 1843. С. 141.

¹⁶⁷ См., напр.: Шевырев С. П. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым // Москвитянин. 1846. Ч. 1. № 2. Отд. критики. С. 169–170.

расположении, составляют другую мысль»¹⁶⁸. 31 января 1873 г. Достоевский сделал запись в альбом О. А. Козловой о «главной черте» своего характера: «Мне скоро пятьдесят лет¹⁶⁹, а я всё еще никак не могу распознать: оканчиваю ли я мою жизнь или только лишь ее начинаю» (27, 119). Это же свойство отмечал в себе и Паскаль: «... будущее — вот наш единственный предмет. Итак, мы еще не живем, а надеемся жить; всё еще располагаемся быть счастливыми»¹⁷⁰.

Библиографический список

Алташина В. Д. От «слабой былинки» к «мыслящей тростинке»: об истории переводов «Мыслей» Паскаля // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. Вып. 4. С. 105–111.

Белинский В. Г. Мысли Паскаля. Перевел с французского Иван Бутовский. Санкт-Петербург: В тип. И. Бочарова. 1843. В 12-ю д. л., 299 стр. // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 7. М., 1955. С. 595–597.

Бердяев Н. А. Мирозерцание Достоевского. Париж, 1968.

Брийон П. Ж. Последование Характеров Феофрастовых и Мыслей Паскалевых. Переведено в подмосковной 1782 года [А. Сергеевым]. М., 1784.

Гроссман Л. П. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. Одесса, 1919.

Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарий. М.—Пг., 1923.

Грубе А. В. Паскаль // Грубе А. В. Биографические картинки / Пер. с нем. М., 1877. С. 58–65.

Гуляев А. Д. Этическое учение в «Мыслях» Паскаля. Казань, 1906.

Клякс Е. М., Погребыский И. Б., Франкфурт У. И. Паскаль. 1623–1662. М., 1971.

Латишин И. И. Достоевский и Паскаль // Научные труды Русского народного университета. Прага, 1928. Т. 1. С. 55–63.

Лароциффо Ф. де Максими. *Паскаль Б.* Мысли. *Лабрюйер Ж. де.* Характеры. М., 1974.

Натова Н. Метафизический символизм Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 14. СПб., 1997. С. 26–45.

Паскаль Б. Мысли. СПб., 1843.

Паскаль Б. Письма к провинциалу, или Письма Людовика Монтальта к другу в провинцию и к отцам иезуитам о морали и политике иезуитов / Пер. с примеч. и введением под ред. А. И. Попова. СПб., 1898.

---

¹⁶⁸ *Паскаль Б.* Мысли. 1843. С. 240–241. Н. Н. Страхов вспоминает: «Помню, как его забавляло, когда я подводил его рассуждения под различные взгляды философов, известные из истории философии. Оказывалось, что новое придумать трудно, и он, шутя, утешался тем, что совпадает в своих мыслях с тем или другим великим мыслителем» (*Страхов Н. Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883. (Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Т. 1). С. 225).

¹⁶⁹ В это время Достоевскому шел пятьдесят второй год.

¹⁷⁰ *Паскаль Б.* Мысли. 1843. С. 128.

Прево-Парандоль Л.-А. Паскаль как моралист // Паскаль Б. Мысли. М., 1899. С. 3–29.

Стрельцова Г. Я. Блез Паскаль. М., 1979.

Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. М., 1994.

Тарасов Б. Н. Мыслящий тростник: жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. М., 2005.

Тарасов Б. Н. Паскаль. М., 1982.

Шестов Л. И. Гефсиманская ночь (Философия Паскаля) // Шестов Л. И. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 301, 317.

Шестов Л. И. О «перерождении убеждений» у Достоевского // Записки: Общественно-политический и литературный журнал [Париж–Шанхай]. 1937. Т. II. С. 146–147.

Barsht K. A. Pascal's thoughts in Dostoevsky's artistic world

Key words: Dostoevsky, *Thoughts*, B. Pascal, influence, quote, context, allusion, paraphrase, “amulet”, “*arshin* of the space”.

The article describes the impact of the *Thoughts* of Blaise Pascal on the works of Dostoevsky, marked the known allusive connections and installed new ones, discovered hidden citations of Pascal's book in the works of the writer — *Crime and Punishment*, *Karamazov Brothers*, etc.

References

Altashina V. D. Ot «slaboj bylinki» k «mysljashhej trostinke»: ob istorii perevodov «Myslej» Paskalja. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*. 2012. T. 13; vol. 4. P. 105–111.

Belinskij V. G. Mysli Paskalja. Perevel s francuzskogo Ivan Butovskij. Sankt-Peterburg. V tip. I. Bocharova. 1843. V 12-ju d. l., 299 str. *Belinskij V. G. Polnoe sobranie sochinenij. T. 7*. Moskow, 1955. P. 595–597.

Berdjaev N. A. *Mirosozercanie Dostoevskogo*. Parizh, 1968.

Brijon P. Zh. *Posledovanie Harakterov Feofrastovyh i Myslej Paskalevyh. Perevedeno v podmoskovnoj 1782 goda [A. Sergeevym]*. Moskow, 1784.

Grossman L. P. *Biblioteka Dostoevskogo. Po neizdannym materialam*. Odessa, 1919.

Grossman L. P. *Seminarij po Dostoevskomu. Materialy, bibliografija i kommentarij*. Moskow–Petrograd, 1923.

Grube A. V. Paskal. *Grube A. V. Biograficheskie kartinki. Per. s nem.* Moskow, 1877. P. 58–65.

Guljaev A. D. *Jeticheskoe uchenie v «Mysljah» Paskalja*. Kazan, 1906.

Kljaus E. M., Pogrebysskij I. B., Frankfurt U. I. *Paskal. 1623–1662*. Moskow, 1971.

Lapshin I. I. Dostoevskij i Paskal'. *Nauchnye trudy Russkogo narodnogo universiteta*. Vol. 1. Praha, 1928. P. 55–63.

La Rochefoucauld F. de. *Maksimy*. Pascal B. *Mysli*. La Bruyère J. de. *Haraktery*. Moskow, 1974.

Natova N. Metafizicheskij simvolizm Dostoevskogo. *Dostoevskij. Materialy i issledovanija*. Vol. 14. Saint Petersburg, 1997. P. 26–45.

- Pascal B. *Mysli*. Saint Petersburg, 1843.
- Pascal B. *Pis'ma k provinciatu, ili Pis'ma Ljudovika Montal'ta k drugu v provinciju i k otcam iezuitam o morali i politike iezuitov*. Per. s primech. i vvedeniem pod red. A. I. Popova. Saint Petersburg, 1898.
- Prevo-Parandol' L.-A. Paskal' kak moralist. *Pascal B. Mysli*. Moskow, 1899. P. 3–29.
- Strel'cova G. Ja. *Blez Paskal*. Moskow, 1979.
- Strel'cova G. Ja. *Paskal i evropejskaja kul'tura*. Moskow, 1994.
- Tarasov B. N. *Mysl'jashhij trostnik: zhizn' i tvorcestvo Paskalja v vosprijatii russkih filosofov i pisatelej*. Moskow, 2005.
- Tarasov B. N. *Paskal*. Moskow, 1982.
- Shestov L. I. Gefsimanskaja noč' (Filosofija Paskalja). *Shestov L. I. Sochinenija: In 2 vols*. Vol. 2. Moskow, 1993.
- Shestov L. I. O «pererozhdenii ubezhdenij» u Dostoevskogo. *Zapiski: Obshhestvenno-politicheskij i literaturnyj zhurnal* [Paris–Shànghǎi]. 1937. Vol. II.